

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ**

*На правах рукописи
УДК*

КАСПАРОВ АРМЕН РАДИОНОВИЧ

**СТРУКТУРНО-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ НЕКРОПОЛЕЙ БУСТОН VI-VII
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Специальность: 5А 220206 – «Археология»

ДИ С С Е Р Т А Ц И Я

**написана для получения
академической степени магистра**

**Работа рассмотрена и
допущена к защите.**

Заведующая Кафедрой археологии:

к.и.н. Д. М. Джуракулова _____
ва _____

Научный руководитель:

проф. Н. А. Аванесо-

М.П.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
<i>Введение</i>	3-7
<i>Глава I. Системный анализ погребальных комплексов некрополя Бустон-VI</i>	8-9
§ 1.1. Описание погребального цикла не потревоженной ингумации.....	9-25
§ 1.2. Статистическая обработка данных по вторичным погребениям..	25-37
§ 1.3. Обработка данных оскверненных захоронений.....	37-42
§ 1.4. Статистический анализ захоронений с трупосожжением.....	42-51
§ 1.5. Экстраординарные захоронения.....	51-55
<i>Глава II. Особенности объектов не погребального назначения Бустон-VI</i>	56
§ 2.1. Погребения символического назначения	56-65
§ 2.2. Нестандартные погребения символического назначения	65-69
§ 2.3. Объекты, сопутствующие отправлению культовых действий.....	69-81
<i>Глава III. Системный анализ погребальных комплексов некрополя Бустон-VI</i>	82
§ 3.1. Описание погребального цикла не потревоженной ингумации....	82-87
§ 3.2. Статистическая обработка данных вторичных погребений.....	87-91
<i>Глава IV. Объекты не погребального назначения Бустон-VII</i>	92-102
<i>Заключение</i>	103-108
<i>Приложение</i>	109-131
<i>Литература</i>	132-135

*Мы черпаем из прошлого
вдохновение для нынешних
и грядущих дел.*

В. М. Массон

Введение

Археологические памятники Южного Узбекистана – часть протобактрийской культурно-исторической области (северо-восточный регион), которая входит в круг раннеурбанистических древневосточных цивилизаций, именуемой в литературе как Сапалинская культура (далее СК). На основе многочисленных памятников были изучены генезис, этапы развития, производственное и строительное дело, этнос, металлургия, флора и фауна (Аскарлов, 1973; 1977; Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Алексеев, Ходжайов, Халилов, 1984; Шайдуллаев, 2009; Батыров, 1984; Рахмонов, 1987; Аванесова, 1997; 2006; 2010 и др.). Особое место среди них принадлежит могильникам Бустон VI и Бустон VII (далее Б-VI, Б-VII), которым и посвящена данная работа.

В рамках традиционной системы хронологии в развитии памятников СК сформулированы следующие последовательные хронологические этапы: сапалинский (XVIII – XVII вв. до н.э.); джаркутанский (конец XVII – XVI вв. до н.э.); кузалинский (XV – XIV вв. до н.э.); молалинский (конец XIV – XII вв. до н.э.); бустонский (XI – IX вв. до н.э.). Все перечисленные периоды генетически взаимосвязаны, ни в одном из археологических комплексов СК не было зафиксировано случаев обратной стратиграфии. Некрополь Б-VI функционировал во время двух заключительных этапов СК (молалинский, бустонский); Б-VII начал использоваться с конца джаркутанского – кузалинского времени, однако более 70 % всего комплекса захоронений также характеризуют периоды молали и бустон.

Могильники расположены на естественных останцовых возвышенностях надпойменной террасы правого берега высохшего русла Бустонсая – западного дельтового притока Шерабаддарьи. Рельеф памятников к моменту начала раскопок представлял собой в плане вид асимметричных, плосковершинных сомкнутых холмистых возвышенностей с оплывшими, пологими, натечными

склонами. Поверхность местами расчислена ложбинками, ветвящимися оврагами, почти лишена растительности, задернованность слабая из-за систематического выпаса скота.

Полученные в ходе многолетних работ материалы некрополей Б-VII и особенно Б-VI, демонстрируют уникальные свидетельства культурогенеза урбанистической Бактрии. Исследования Кафедры археологии СамГУ могильников проливают определенный свет в указанную проблему через призму степени воздействия степных инноваций.

Актуальность темы обусловлена ключевым значением указанных памятников для культурно-исторического процесса конца II тыс. до н. э., сочетающих многообразные факторы и уровни эволюционных и миграционных процессов.

Рассматриваемые в работе могильники являются не только местом для захоронения, но и местом для отправления ритуальных действий. В значительно большей степени это относится к некрополю Б-VI. Здесь выявлены различные формы обращения с телом усопшего, в том числе, не свойственное для ранних этапов СК трупосожжение, что характерно для погребальной практики андроновских (федоровских) культурных традиций. Территория могильника использовалась также и для различных священнодействий, связанных с религиозными представлениями, о чем свидетельствуют сакрализованные площадки, где сосредоточены кострища и алтари, многочисленные символические погребения животных, глиняных монофункциональных поделок, несущие определенные смысловые значения (Аванесова, 2004; 2005).

Цель исследования – структурно-системный анализ погребальных памятников Б VI–VII, выявление последовательных шагов, связанных с погребальным обрядом, сопоставление и интерпретация общего и особенного в системе погребально-поминальной обрядности некрополей. Под *структурно-системным анализом* мы понимаем совокупность методов и средств исследования объектов, процессов, а также взаимосвязанность составляющих её частей, опирающихся на комплексный подход, учет взаимосвязей и взаимодействий между элементами. Анализ включает их общий обзор и дальнейшую детализацию, по-

рождая иерархическую структуру модели исследуемого объекта (Перегудов, 1989. С. 5; С. 82).

В основу работы положен детальный анализ обрядовых групп через призму процесса культурно-исторического развития заключительного периода СК. Для достижения данной цели на различных этапах исследования решаются конкретные *задачи*:

- провести учет и систематизацию обрядовых групп;
- дать характеристику особенностей погребального обряда и инвентаря;
- проанализировать все объекты в структуре некрополей Б VI–VII и создать единую номенклатуру;
- классифицировать погребальную практику Б VI–VII по характеру погребального и не погребального назначения;
- определить культурную принадлежность и хронологию комплексов;
- рассмотреть специфику и степень преемственности выявления культурных групп в контексте древностей финала СК.

Источниковедческая основа. Выполнение всех поставленных задач и реализация цели работы, стали возможными благодаря изучению «Отчетов археологического отряда Самаркандского Госуниверситета по Сурхандарьинской области», по исследованию могильников эпохи бронзы Б-VII (1987-1989 гг.) и Б-VI (1990-2008 гг.). Весь материал получен в ходе раскопок, проводившихся под руководством проф. Н. А. Аванесовой Кафедры археологии СамГУ им. А. Навои. Статистической обработке подверглись данные свыше 600 объектов. При подготовке данного исследования обработка материалов проводилась в фондах Музея археологии СамГУ. Кроме того, велась работа с литературой и отчетами в архиве и библиотеке Института археологии им. Я. Г. Гулямова.

Методологической основой исследования являлась систематизация объектов некрополя, который была произведена при выделении структуры погребального обряда. В термин «**погребальный обряд**» мы включаем круг или совокупность ритуально-практических действий, осуществляемых при подготовке и совершении захоронения умершего члена общества в соответствии с религиозно-идеологическими нормами. Основу его составляют обычаи – общеприня-

тые нормы обращения с усопшим, ряд представлений и правил, предписывающий определенный стиль поведения. Обряд представляет собой жестко детерминированную систему, имеющую крайне ограниченное вариационное поле конечных результатов. За погребальным обрядом скрываются единство религиозных воззрений, представлений о смерти и потустороннем мире (Смирнов, 1997. С. 12; Каменецкий, 1999. С. 137; Савченко, 1999. С. 147).

Проанализировав материал некрополей по теоретическим проблемам погребального обряда, был проведен системный анализ, который главным образом строился на ранее разработанных признаках погребальной практики (Каменецкий, 1986. С. 136-195; Сорокина, 1986. С. 33-70) На его основе которого представилась возможность выявить характерные признаки погребального и постпогребального цикла, а также, сопутствующие отправлению религиозно-мировоззренческому восприятию действий происходивших на территории некрополей. Структурно-системный анализ проводился на основе разработанной нами схемы, единой для обоих памятников. Общее количество выявленных при рассмотрении признаков варьируется в зависимости от назначения и варианта обрядовой группы.

Научная новизна. В работе впервые обобщен весь комплекс объектов некрополей Б-VI (506) Б-VII (109), дана их полная статистическая раскладка и анализ. В итоге мы получили общую картину погребального обряда, выделили в отдельные группы такие варианты ингумации как вторичное захоронение, фракционные (частичные) погребения – в том числе кефалотафные и уникальные захоронения кистей рук в сосудах (миска, ваза), могилы с двойным вариантом погребения останков, человеческие жертвоприношения.

Выявлены сакрализованные площадки, предназначенные исключительно для оправления культово-религиозных действий, большое количество символических могил и поминальных комплексов. Проанализировав объекты обоих могильников, мы показали, что погребальный обряд бустонского этапа резко отличается от молалинского. В первую очередь это касается огненного культа, многообразия указанных вариантов ингумации, резкое увеличение числа трупосожжения. Определили, что на бустонском этапе регламент (свойственный для

других памятников СК), по которому погребение мужчин осуществлялось на правом боку, а женщин на левом (Аскаров, 1977. С. 151), не соблюдался. Кроме того, наблюдается сильное воздействие степного андроновского населения, что отражается как в погребальном обряде, так и в инвентарном комплексе.

Представленные в работе материалы погребений некрополей Б VI–VII позволяют ставить вопрос о выделении самостоятельного очага бустонского этапа.

Изучение погребальных и поминальных обрядов, выявление специфики и особенностей, в целом имеет большое научное и практическое значение. Материалы данной работы могут быть использованы для дальнейших научных изысканий в дописьменной истории древней Бактрийской цивилизации, становлении государственности, культурно-экономических связей и развитии религиозных представлений.

Глава I. Системный анализ погребальных комплексов некрополя Бустон-VI.

Могильник Б-VI расположен на естественных останцовых возвышенностях надпойменной террасы правого берега высохшего русла Бустонсая – западного дельтового притока Шерабаддарьи. Общая площадь некрополя 4,06 га, абсолютная высота 9 м. Рельеф памятников к моменту начала раскопок представлял собой в плане вид асимметричных, плосковершинных сомкнутых холмистых возвышенностей с оплывшими, пологими, натечными склонами. Поверхность местами расчислена ложбинками, ветвящимися оврагами, почти лишена растительности, задернованность слабая из-за систематического выпаса скота. Основной особенностью рельефа является его исключительно выраженная структурность, отразившаяся на последовательности формирования почвенных слоев. Почвообразующие породы представлены речными отложениями (аллювиальные суглинки, супеси, пески и глина) и однородным лессом (в Б-VI материковый лесс часто переслаивается с галечником). Раскопки велись на разных гипсометрических уровнях, приуроченных к останцу: 1-верхней части площадки; 2-по склону; 3-по ложбинке отдельных всхолмлений; поэтому стратиграфия залегания почвенных слоев по своему строению, условиям залегания в соответствии с общим рельефом неоднородна. В основании останца залегают галечники, переходящие в красновато-серые пески. Сказанным осложняется прочтение стратиграфической ситуации останцовых возвышенностей.

Б-VI является памятником полиритуального характера, так как его предназначение заключалось не только в погребении усопших, но и отправлении религиозного культа. Здесь присутствуют различные обрядовые группы как погребального назначения (ингумация, вторичные, фракционные, оскверненные захоронения, погребения человека с животным (баран, собака), жертвоприношение человека, кремация), так и не погребального – помины, алтари, фиктивные могилы, кенотафы, символические погребения с глиняными поделками (антропоморфные и зооморфные статуэтки, вотивные алтари, ложки, плошки, фишки), животными (кочкар, овца, собака), кострища, крематории.

Как мы отмечали во введении, источниковедческой базой наших исследований являются археологические данные раскопок некрополя Б-VI. Памятник изучается на протяжении более 20 лет и за этот период Кафедрой археологии СамГУ под руководством проф. Н. А. Аванесовой было проведено 14 полевых археологических сезонов. За это время было открыто 506 объектов различного назначения, относящихся к молалинскому и бустонскому периоду – двум заключительным этапам СК. Все они делятся на 3 группы: 1 – *ингумация*, куда входят: полная ингумация, вторичные, фракционные, оскверненные, захоронения с животным, погребения с парной ингумацией, жертвоприношения. Сюда же мы включили нарушенные или ограбленные в древности могилы; 2 – *кремация* – трупосожжение на стороне в специальных ящиках и частичное термическое воздействие на останки человека; 3 – *объекты не погребального назначения* – символические могилы (животные, глиняные поделки), помины, фиктивные, кенотафы, алтари, кострища, а также кремационные ящики.

Кроме того, 43 погребения (более 20 % от общего количества могил погребального назначения) нарушены или ограблены в древности.

§ 1.1. Описание погребального цикла не потревоженной ингумации

Ритуальные действия, связанные с погребальным обрядом, составляют целую систему действий, правил и норм, которыми руководствовались сапаллинцы. Ниже мы приступаем к рассмотрению группы индивидуальных могил не потревоженной ингумации, которая является наиболее многочисленной и информативной для изучения. При системном описании мы исходили из стратиграфических позиций надмогильных сооружений, конструкции могильных камер и элементов погребальной практики, затем рассматриваем камеру с останками человека и сопровождающем инвентарем, а так же наличие различных следов проявления обряда.

В обсуждаемую группу входят 59 погребений, что от общего количества могил с ингумацией (178) составляет 33,1%. *Хронологически*, абсолютное большинство среди них (52) относятся к бустонскому периоду СК, 5 захоронений –

молалинского этапа, 1 погребение переходного молали-бустонского времени и 1 могила хронологически не определена.

Рассматривая материалы Б-VI, было замечено, что над некоторыми могилами прослежены кострища или остатки от костра. Отличаются они мощностью угольно-зольной прослойки, которая напрямую зависит от интенсивности и продолжительности горения огня. Таким образом, можно сказать, что кострище – это сравнительно долгое протяженное во времени горение огня, а остатки костра – единоразовое, не продолжительное обрядовое действие с ритуальным огнем.

Всего погребений полной ингумации, в которых было зафиксировано *кострище или остатки костра*, было зафиксировано в 19 случаях. 5 могил были мужскими, 7 – принадлежали женщинам, остальные 7 захоронений не определены по половозрастной характеристике. Интересен тот факт, что при мужских погребениях были зафиксированы только остатки костра, в то время как с женскими захоронениями – кострища (4/3). 2 могилы (одна не определена по половозрастной характеристике и одна принадлежит женщине 35-45 лет) характеризуют молалинский этап, все остальные относятся к бустонскому периоду.

Остатки тризны как *поминальное приношение* также имеет место в поминальной практике бустонцев. Обычно это связано с заключительным действием соплеменников усопшего, процесс которого, как описано в толково-словообразовательном словаре Т. Ф. Ефремовой, сопровождается играми, состязаниями, а также поминальным пиршеством (Ефремова, 2000, С. 10231). Тризну можно проследить по остаткам мясной пищи (кости животных) и/или оставшихся после поминального действия посуды. Кроме того, к поминальной тризне мы относим также и так называемые "помин-тризну". От тризны он отличается тем, что для поминальных приношений над камерой или чуть в стороне выкапывалась углубление, в которое ложилось 2-3 сосуда с пищей.

В погребениях полной непо потревоженной ингумации тризна встречается в 10 случаях, что в процентном соотношении составляет около 17%. Встречается она в трех позициях: за входом (4), на кладке входного проема (4), над камерой (2). Заметим, что все погребения с наличием тризны бустонского периода. Кроме

того, в могилах ямного типа, а их более 32% от общего количества конструкций камер, тризна не обнаружена. Обнаружены остатки тризны в трех женских и одном мужском погребении, половая принадлежность погребенных в остальных захоронениях не определена.

Конструкции погребальных камер представлены четырьмя типами: ямные, подбойные, подбойно-катакомбные и катакомбные погребения. Такое деление относится не только к рассматриваемой группе могил, но и ко всему комплексу некрополей. В погребальной практике изучаемой группы могил имеет место применение всех 4 видов конструкции камеры. Около 39% всех погребений подбойного типа (23), 30% – грунтовые могилы ямного типа (18), 24% подбойно-катакомбной конструкции (14). Катакомбным вариантом представлены лишь 4 могилы (7%). Очень важно отметить, что входной проем в женских погребениях оформлен либо с С-СЗ стороны (7), либо с З-ЮЗ стороны (7). С С-СЗ стороны оформлен вход и в 7 мужских погребениях.

Далее нам предстоит охарактеризовать каждый из вариантов конструкции камеры.

Для могил подбойного типа характерен вход по широкой стороне камеры. Кроме того, во многих подбойных захоронениях, кирпич, закрывающий вход поставлен определенным образом – под углом, упираясь одним концом в дно, а другим в перекрытие камеры.

В могилах подбойно-катакомбного типа характерна более мощная кирпичная кладка в 2-3 венца, вход выполнен в виде шахты подпрямоугольной формы с намечающимся дромосом и является средним между подбойным и катакомбным типом.

Могилы катакомбного типа характеризуются удлиненным входом – дромосом, который значительно отличается от входного проема могил подбойного и подбойно-катакомбного типов.

Ямные погребения не имеют входного проема, и представляют собой грунтовую могилу округлой, овальной, подквадратной или подпрямоугольной формы с отвесными стенами различной глубины. Углы в камерах (подпрямоугольного типа) всегда округлены и стенка плавно как бы переходит из одной в дру-

гую. Иногда встречаются так называемые ямы с заплечиками, т.е. небольшими выемками в 20-25 см. для укладки на них какого-либо перекрытия. Вероятнее всего это был деревянный настил, тем более, в некоторых камерах при расчистке были прослежены следы древесного тлена от деревянных свай (М 396).

Выше было упомянуто, что в процессе антропологических исследований не все останки были определены по половозрастной характеристике. В индивидуальных могилах полной ингумации были характеризованы останки 18 мужчин и 18 женщин. В рис. 1 показано, как распределены мужские и женские останки относительно конструкции погребальной камеры. Здесь видно, что конструкция камеры и пол умершего не связаны друг с другом, так как, и мужчин и женщин хоронили в могилах разной конструкции. Однако отметим, что в женских погребениях выделяется преобладание подбойной конструкции (более 61%), в то время как в мужских явного преобладания какого-то одного типа камеры не прослеживается.

Важное значение для характеристики погребального обряда, имеют *показатели по способу обращения с телом покойного*. Это, в первую очередь пол и возраст, положение костяка и его месторасположение в камере, степень скорченности, ориентировка относительно частей света, и пр.

Из 59 рассматриваемых в данном параграфе погребений, соотношение определенных мужских и женских останков одинаково (18 мужских, 18 женских). Остальные погребения остались неопределенными.

Рассматривая способ обращения с телом умершего, анализ будет производиться в 2 вариантах: по общему количеству могил и определенных по половой принадлежности. Это даст более понятную картину в погребальном обряде для мужчин и для женщин.

Ритуальная регламентация, по-видимому, требовала хоронить усопших в скорченном положении на боку. Ранее считалось, что для памятников СК регламент погребения мужчин на правом боку, а женщин на левом был обязателен (Аскарлов, 1977. С. 151). Некрополь Б-VI выбивается из этого ряда тем, что данный обряд к тому времени строго не соблюдался, как в отношении мужчин, так и в отношении женщин. Однако, все же просматривается общая тенденция к

преобладанию мужских захоронений на правом боку, а женщин на левом, о чем пойдет речь ниже. И тех и других хоронили в основном в скорченном положении на боку, в редких случаях на животе или на спине, но того единения, что наблюдается в других памятниках СК нет.

В рассматриваемой группе могил, 23 костяка лежат на левом боку, 29 – на правом, в 2 могилах останки обнаружены погребенными на спине, еще в 3 случаях на животе.

На левом боку количество женских погребений превышает количество мужских почти в 3 раза (4 мужских 11 женских), тогда как на правом боку, наоборот мужских погребений больше в 2 раза (11 мужских, 6 - женских). Это говорит о ритуальной "памяти", когда обряд уже не был столь принципиальным, но все еще имел место быть в погребальной практике бустонцев. Проводя работу над рабочими графиками и чертежами, была выявлена, на наш взгляд, весьма значительная деталь. Выделив из общего числа только погребения, принадлежащие женщинам, выяснилось, что во всех могилах, конструкция которых предполагает наличие входного проема (подбойные, подбойно-катакомбные и катакомбные), останки, лежащие на левом боку (9), направлены лицом к входу в камеру, а те останки, которые лежат на правом боку (5), повернуты в противоположную от входа сторону. Рассмотрев таким же образом мужские погребения, такого единства прослежено не было. Кроме того, схожа и ориентировка в указываемых погребениях. Так, в 5 могилах ориентировка костяка З-В, еще в 2 погребениях ЮЗ-СВ. В 6 камерах погребенные женские останки лежат лицом на С.

2 погребения на спине (М 37, М 215) принадлежат мужчине 20-30 лет и женщине 15-18 лет. Одно из погребений относится к бустонскому этапу (М 215), 1 – к молалинскому (М 37).

На животе 2 погребения (М 350, М 414,) принадлежат мужчинам 25-35 лет, и одно погребение (М 295) ребенка 5-6 лет. Мужские погребения относятся к бустонскому этапу, могила ребенка не определена, так как сопутствующего инвентаря не обнаружено. Мужские захоронения в могилах ямного типа, захоронение ребенка – подбойно-катакомбное. Еще одной особенностью является по-

ложение ног на правом боку в мужских могилах, в детском погребении – ноги разведены в разные стороны.

Во время погребального обряда усопшего всегда укладывали в *скорченном положении*. Этим соплеменники как бы говорили, что человек не умер, а лишь уснул, готовясь к переходу в «другой мир». Еще один вариант – усопший укладывается в скорченное положение и представляется в виде эмбриона человека – символа новой зарождающейся жизни, которая ему предстоит в «другом мире». В этом случае, камера представляется как утроба матери (Бочваров, 2010. С. 117). По степени скорченности преобладает умеренная или слабая степень.

Половозрастная характеристика не потревоженной ингумации Б VI дана по определению антропологов Мустафакулова С., Дубовой Н.А., Куфтерина В.В. Большинство мужских погребений (68,4%) в возрастных рамках варьируются в пределах 20-35 лет, в то время как 80% женских погребений по возрасту старше мужских и колеблются в пределах 35-55 лет. Это говорит нам о том, что продолжительность жизни у женщин была выше, чем у мужчин. В некоторых случаях, при определении половой принадлежности, возраст останков установить не удалось. Также заметим, что проблемой стало определение пола детей. Из табл. 1 видно, что из 12 детских могил с определением возраста погребенных, ни в одном случае пол ребенка определен не был.

табл.1 Половозрастная характеристика погребенных.				
Возраст (в годах)	Возраст	Мужские	Женские	Не определено
До 7 лет	Infantilis I	0	0	6
7-14 лет	Infantilis II	0	0	6
14-18 лет	Juvenis	0	1	1
20-35 лет	Adultus	12	2	0
35-55 лет	Maturus	5	12	0
Старше 55 лет	Senilis	0	0	0

В *местоположении костяка в камере*, наблюдается большое разнообразие позиций: в центре, у входа, у стены. В 35 случаях – 59%, останки умершего находятся в центре камеры или близко к нему. Этим, возможно, пытались показать главенствующую роль в камере усопшего, подчеркивая его верховное по-

ложение, Однако такое местоположение останков варьируется в зависимости от типа погребальной камеры. Так, в могилах подбойной конструкции, останки находятся в центре в соотношении 2/3, а в камерах подбойно-катакомбного типа – 1/1. Рассматривая только определенные по половой принадлежности погребения видно, что труположение в камере не зависит от пола усопшего. И в мужских, и в женских могилах в центре камеры находятся 11 из 18 костяков.

Второй по количеству позиций является положение костяка у стены (17 могил). Отметим, что могил катакомбной конструкции хоть и не значительное количество, но в 3 из 4 камерах останки находятся именно у стены, что не идет в сравнение с погребениями другого типа. У входа труположение зафиксировано в 5 камерах, причем в 3 случаях это могилы подбойного типа.

Кроме того, в 2 погребениях ямного типа обнаружены детские (до 1 года) захоронения в хумах. Это грунтовые ямы подпрямоугольной (М 172) и овальной (М 357) формы, в центре которых, в больших хумах обнаружены останки детей. В обоих случаях хум закрыт сосудом (миской в М 172 и резервуаром вазы в М 357). Интересен тот факт, что на оба сосуда-"крышки" нанесен ангоб красного цвета. Оба погребения хронологически одинаковы (бустанского этапа), но при этом отличаются друг от друга. В М 172, помимо самого хума и "крышки" найдены еще 2 небольших сосуда, один из которых был в хуме с останками, где, кроме того, зафиксированы угольки. Отличается также и местонахождение хума в камере. В М 172 он занимает ЮВ угол, а в М 357 расположен в центре. Кроме того, над М 172 прослежен каменный настил, о чем упоминалось выше.

Подобный способ захоронения детей (Ионесов, 1996. С 23) и взрослых (Аскаров, 1977, С 137) встречался в памятниках СК на более ранних этапах, но, постепенно стал вытесняться иными формами погребальной обрядности. Здесь, мы видимо наблюдаем эффект возрождения или попытки подражания традициям прошлого.

В распределении *ориентировки костяка* относительно частей света наблюдается исключительное разнообразие. Ориентировка самая различная. Однако следует отметить тот факт, что из 8 предложенных делений по сторонам света, (а именно - Север, Северо-восток, Восток, Юго-восток, Юг, Юго-запад, Запад,

Северо-запад), погребений с ориентировкой костяка на Юго-восток и Юго-запад не зафиксировано. Ориентировки с отклонениями по осевой линии, типа ЗСЗ, ССВ, и т.д. мы определяем как Запад, Север, и т.д. В рис. 2 предложено разделение определенных по половой принадлежности останков людей относительно частей света. Цифрами обозначено количество могил по той, или иной ориентации.

Рассмотрим ориентировку костяков более раннего молалинского и молали-бустонского времени. Из 5 погребений молалинского периода, в 2 погребениях костяк ориентирован на В (в т.ч. мужское погребение) и по одному случаю ориентировки костяка на З, СЗ и ЮЗ (захоронение женщины). Таким образом, фигурируют 2 стороны света – Восток и Запад. Возможно, не исключено, что в рассматриваемый период ориентировкой на Восток хоронили мужчин, а на Запад – женщин.

Если рассматривать только линию ориентировки костяка, не беря во внимание, в какую сторону ориентирована голова, выделим 4 основных вектора: С-Ю, З-В, СЗ-ЮВ, СВ-ЮЗ. Наибольшее количество останков захоронено по осевой линии З-В (с незначительными отклонениями), такая ориентировка встречается в 27 погребениях. Примерно одинаковое количество останков ориентированы по линиям СВ-ЮЗ (15) и С-Ю (14). Также по линии СВ-ЮЗ ориентированы и 2 хума, с погребенными в них останками младенцев. По линии СЗ-ЮВ определено всего 1 погребение (М 325), однако останки в камере подверглись воздействию, вследствие обрушения на них сверху кирпичей, вероятно, когда-то образующих настил, а также сооруженного в более позднее время над камерой алтаря (М 325А), а значит, не является достаточно точной и, возможно, изначально была другой.

Одновременно с рассмотрением ориентировки костяка мы определяем также и ориентировку лицевой части черепа относительно сторон света. Здесь определение сторон света нами также было округлено до 8 основных позиций (ЗСЗ – считаем как З, ВЮВ – В, ЮЮЗ – Ю, ССВ – С).

Рассматривая погребения по данному признаку, приведем данные, касающихся только определенных по половой принадлежности останков. Отметим

тот факт, что в 5 мужских погребениях череп лежал лицом вниз или вверх, поэтому количество мужских и женских останков различно, хотя изначально рассмотрению подверглись 18 мужских и 18 женских могил. Ориентировка головы не так разнообразна, как костяка, однако и тут имеется несколько позиций. Наибольшее количество составляют останки, лицевой частью черепа направленные на С. К ним относятся 7 мужских и 9 женских погребений. Всего же, на С лицом ориентированы останки в 24 могилах, что составляет более 40%. (рис. 3) С учетом конструкции погребальной камеры, положение останков ориентированных на С выявлено в 9 могилах подбойной конструкции, по 7 останков в грунтовых ямах и захоронениях подбойно-катакомбного типа, 1 камера катакомбной конструкции.

Разница между мужскими и женскими останками в погребениях с подобной ориентацией черепа незначительна. Здесь можно сказать, что вероятнее всего, делений между мужчиной (7) и женщиной (9) в данной позиции не существовало. Однако наблюдения, относительно ориентировки Северо-запад, как и на Восток, показывают, что с подобной ориентировкой черепа хоронили только женщин. По крайней мере, этим можно объяснить тот факт, что из 11 погребений, пять являются женскими, а еще одно не определено по половозрастной характеристике.

В ориентировке на Запад, напротив, преобладают мужские погребения, но все же женское погребение с такой ориентацией имеет место быть. Соотношение мужских и женских погребений здесь 4/1. Еще два погребения не определены по половозрастной характеристике.

Сопровождающий инвентарь в могилах свидетельствует о вере носителей СК в продолжение существования умерших после их смерти. К тому времени уже давно упрочилось представление о том, что дух умершего, переходит в загробный мир, где ему необходима пища, личные вещи, одежда и украшения. Это нашло свое отражение в погребальной практике.

Разница в отношении к умершим в зависимости от их социального положения, т. е. места и роли их обществе, прослеживается также по сопутствующему инвентарю. Погребения свидетельствуют о неравенстве покойников: некото-

рых из них хоронили с большим количеством приношений в виде пищи, украшений, орудий труда (М 161, М 242), других — со скудным приношением или совсем без такового (М 236, М 269, М 295, М 325 и др.). Такие погребения принадлежат в основном детям, подросткам, не достигших какого-то социального статуса в обществе.

Среди инвентаря различаются вещи утилитарного назначения (орудия, оружие, бытовые предметы (сосуды)); связанные с костюмом (украшения) и культовые предметы (вотивные изделия).

Следующее, что необходимо рассмотреть, это количество инвентаря в мужских и женских погребениях, а также их месторасположение в камере относительно костяка. Фрагментированные куски бронзы, бисер, низка бус и т.п. будут учитываться как целое.

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что в могилах ямного типа инвентарь (оружие, орудия труда, украшения, предметы туалета и т.п.) крайне скудный. Он представлен находками бус, бисера, пронизей, ножа, пряслица, 1 золотой клипсы (М 37 молалинского периода) и проволочной височной серьги. Эти находки были обнаружены в 4 разновременных могилах, принадлежащих 2 мужчинам, женщине и подростку.

Такая же картина наблюдается и в камерах катакомбного типа. Из 4 погребений, инвентарь был найден в 1 женском погребении молалинского времени (М 242). Но это погребение уникально в плане богатства сопутствующего инвентаря, где найдены глиняные, каменные и бронзовые, в том числе покрытые золотой фольгой, изделия для скрепления одежды, украшения, предметы утилитарного, унитарного и ритуального назначения.

В отличие от ямных и катакомбных погребений, где количество могил с инвентарем 20-25%, в камерах подбойного и подбойно-катакомбного типа их число достигает 82,6% и 61,5% соответственно. Если катакомбного типа, камер незначительное количество (4), и, возможно, вследствие этого с инвентарем обнаружено всего 1 захоронение, то грунтовых погребений исследовано в сравнительно в большем количестве (19), но и в подобном типе камер сопутствующего

инвентаря прослежено крайне мало (21%). Это говорит о приниженном статусе усопших, которые были погребены в ямах.

Инвентарь представлен как распространенными (рис. 4) в погребениях бусами, подвесками, ножами, пряслицами, так и уникальными артефактами, обнаруженными в единственном экземпляре. Такими, например, являются бронзовая пластина, покрытая золотой фольгой в виде головы коня, каменная заготовка для топора, бронзовый браслет, втульчатый наконечник стрелы, votivное топор-тесло и др.

Из приведенной таблицы видно, что количественный показатель обнаружения в женских могилах инвентаря всегда больше, по сравнению с мужскими. Причем, это относится не только к предметам украшения (бусы, серьги), но и к орудиям труда и votivным изделиям (пряслице, ножи). Кроме того, больше и общее количество женских погребений, в которых обнаружен сопутствующий инвентарь. Так, в 10 (из 18) мужских захоронений было обнаружены различные артефакты, что составляет 55 % от их общего количества, а женских могил, в которых найдены различные находки – 72 %.

Керамическая посуда является самой представительной частью в сопутствующем инвентаре. В рассматриваемой группе погребений обнаружено около 250 археологически целых сосуда и 30 фрагментов керамики. Практически вся керамика изготовлена на гончарном круге быстрого вращения, но среди всего многообразия форм, встречаются и выполненные ручным способом. Большое количество сосудов подвергалось лощению светлым или красным (охра) ангобом (М 4, М 196, М 306 и др.). На некоторых сосудах встречаются следы нитевого среза на донце. Керамика некрополя практически не имеет следов внешнего украшения, за исключением прочерченных горизонтальных линий по тулову (М 50, М 253, М 368 и др.).

При полном отсутствии орнамента керамики, наблюдается ее большая вариативность форм. Она представлена 6 основными вариантами, внутри каждого из которых множество вариантов формы.

Первый тип – вазы. Они различных размеров, высоты и техники исполнения ножки, глубины и форм резервуара, форме венчика и пр.

Второй тип – миски. Представлены в виде округлых, конусовидных, полусферических чаш, иногда имеющих небольшой поддон.

Третий тип – банки. Представлены округло/овально-вытянутой формой, зачастую с низким, порой биконическим туловом, венчик практически всегда отогнут наружу.

Четвертый тип – горшки. Представлены округлым, шаровидным, биконическим или подбиконическим туловом, горло либо отсутствует, либо выделяется незначительно и заканчивается отогнутым венчиком. Горшки молалинского периода имеют выделенный поддон.

Пятый тип – кувшины. Представлены такими же формами тулова, что и горшки, но имеют ярко выраженную шею и более узкое устье. Украшение сосудов в виде прочерченных горизонтальных линий наблюдается, как правило, именно на кувшинах.

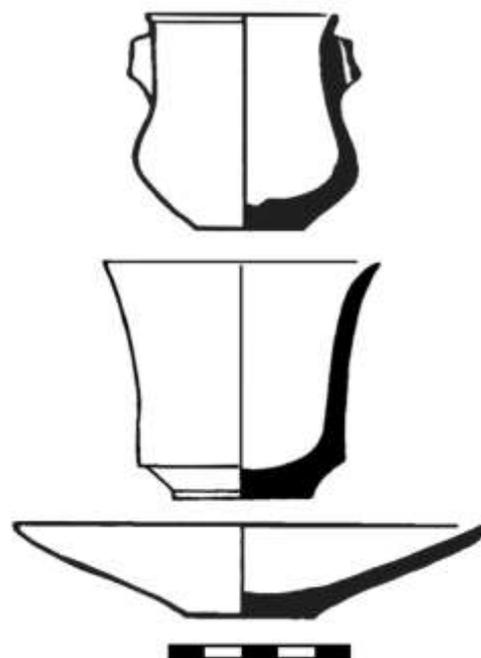
Шестой тип – хумы. Представлены большими (в обоих случаях использованы для захоронения младенцев) и средними размерами, округлым туловом, широким устьем и скошенной донной частью.

Редкими, как для рассматриваемой группы, так и для всего памятника являются горшочек-кубок с усеченной нижней частью, широким устьем и плоским донцем (М 211), биконический горшок с низким туловом и наклепными ручками и плоское блюдо с неглубоким резервуаром (М 221).

Рассмотрим соотношение количества и типовой состав сосудов (не учитывая мелкие фрагменты керамики) в могилах бустонского периода с определенной половозрастной характеристикой (16 женских и 16 мужских).

Мужские погребения бустонского периода (количество - 16).

В среднем, в каждом погребении находится 5 сосудов (от 3 до 9) не считая фрагментов керамики. Если смотреть расположение сосудов около тела погреб-

бенного, то можно выделить следующие, наиболее распространенные позиции: у головы, перед торсом, у ног, за спиной. Большинство сосудов расположено перед торсом усопших. В этой позиции сосуды обнаружены в 9 могилах (37 % от всех сосудов). В 7 могилах у ног погребенного было найдено по 1 сосуду. За спиной человека сосуды находились только в 2 случаях (3 и 5 шт.). За головой сосуды были зафиксированы в 6 погребениях, причем в могилах ямной конструкции около головы было по 1 сосуду, а в остальных – по 3. Исключение составляет М 196, где в изголовье погребенного обнаружена 1 лепная чашечка и фрагмент лепного сосуда, обильно окрашенные охрой.

Женские погребения бустонского периода (количество - 16).

В среднем, в каждом погребении находится 4,9 (от 3 до 8) сосудов, т.е. по всем параметрам столько же, сколько и в мужских погребениях. Однако, если в мужских погребениях в 44% действительно находилось по 5 сосудов в камере, то среди женских могил есть всего одно погребение, где количество сосудов соответствовало бы их среднему числу (М 185).

Позиции расположения сосудов мы оставим без изменения: у головы, перед торсом, у ног, за спиной. В 12 погребениях более 63% всех обнаруженных сосудов расположены перед телом погребенного человека (у торса). В 5 могилах сосуды расположены у нижних конечностей. Здесь также, как и в мужских захоронениях, прослеживается тенденция установки 1 сосуда у ног, за исключением М 9, где у ног обнаружены 2 сосуда и еще 1 чуть в стороне в С части камеры. За спиной сосуды находились только в 2 случаях (3 и 4 шт.). В погребении М 308 сосуд с остатками мясной пищи обнаружен над головой.

Во многих могилах *погребальной пищей* зафиксированы куски мяса, вернее оставшиеся от них кости животных, которые в абсолютном большинстве случаев являются бараньими. Такое "кормление" символ заботы об умерших. Цикл обрядов из нее вытекавший, связан с весьма естественными представлениями о том, что умерший или его дух (душа), требует того же, что необходимо живому человеку. Какие бы формы не принимал обычай "кормления", основу его составляло стремление проявить заботу о покойном, т. е. представления о по-

смертном существовании его двойника, в материальном или духовном образе (Снесарев, 1969. С 118; 124).

Всего мясная пища (без тризны) присутствует в 27 могилах. Следует отметить, что мясная пища в могилах ямного типа присутствует лишь в 26%, в то время как в подбойных погребениях – в 65% (в 15 могилах из 23). Таким образом, более половина всех погребений с мясной пищей подбойной конструкции.

Мясной пищи в женских погребениях присутствует больше (12), нежели в мужских (7), что отражено в рис. 5. В 8 могилах половозрастная характеристика погребенных не определена. Практически во всех погребениях, как мужских, так и женских, присутствуют регламентированные куски мясной пищи овцы – задняя и передняя ножка, грудинка, реже встречаются лопатка и хвостовые позвонки как правило барана. В одном случае обнаружен резец тушканчика (М 165), а также пяточная кость и астрагал коровы (М 161).

С точки зрения локализации мясной пищи, заметим, что в женских погребениях пища находится в большинстве случаев (80 %) с левой стороны от умершего, в то время как в мужских погребениях в 71% случаев пища находится справа.

Кости животных были обнаружены как в сосудах, так и на земле (возможно на деревянной посуде, от которой в некоторых случаях сохранился тлен). Показательно, что отчетливо прослеживается тип посуды с мясной пищей. Наиболее распространенная посуда для мясной пищи – миска, которая зафиксирована в 12 случаях из 23 (52 %). Остатки костей животных обнаружены также в вазах (6), банках (2), горшках (2), тарелке (1).

Огонь занимает важное место в ритуале бустонцев. Он прослежен во многих аспектах погребальной традиции и присутствует как в могильном сооружении, так и вне его. С его помощью «очищалась» земля для ритуалов, производились после погребальные пиршества, огонь присутствовал при изготовлении кирпича и пр. (Аванесова, Тошпулатова, 1999. С. 27).

Выше мы рассматривали наличие следов огня в мужских и женских погребениях по позициям: остатки костра и кострищ над могилами. Продолжает этот

ряд - обожженный кирпич и угольки в кирпичной массе, угольки в камере, в качестве подсыпки под костями и в сосуде.

Проявление огня прослеживается во многих погребениях (в 34 погребениях из 59). Помимо наличия в насыпи остатков костра или кострищ, угольки также встречаются в самой камере, в качестве подсыпки в небольшом углублении с колесом (М 165), в хуме с останками младенца (М 172), в миске с колесом (М 395). В пяти могилах костяк полностью или частично подвергся кратковременному воздействию огня. Еще в пяти камерах, из которых 4 принадлежали мужчинам, угольками было посыпано дно могилы.

Часто огонь был прослежен при изготовлении кирпича, которым закрывался вход в погребения. Это проявляется в двух вариантах: 1) угольки добавляли в кирпичное тесто до формовки (иногда вместе с угольками добавлялась мелкая галька для большей прочности кирпича); 2) обожженные кирпичи видимо брали для закладки камеры из разрушенных ящиков для кремации, о которых речь пойдет в другом разделе. Всего в погребениях индивидуальной ингумации, использование угольков при изготовлении кирпича прослежено в 12 камерах, в основном подбойной конструкции (9). В 7 случаях добавление угольков (золы) в кирпичную массу и в 5 камерах кирпич был обожженный. Это наблюдается как в мужских, так и женских захоронениях, но необходимо отметить, что женских могил в 2 раза больше (3 мужских, 6 женских).

В могилах молалинского времени проявление огня зафиксировано в 2 случаях. В погребениях остатки костра прослежены в насыпи над камерой М 325. Кроме того, над камерой обнаружен алтарь. В другом случае обнаружено кострище над женским захоронением (М 242). В погребении переходного молалибустонского времени (М14) никаких указаний на употребление огня не зафиксировано.

Из 34 погребений, в которых присутствуют те, или иные проявления огня, 13 погребений принадлежат мужчинам, 10 – женщинам. Таким образом, следы огненных ритуалов фиксируются в мужских и женских погребениях практически одинаково.

К проявлениям символики огня обычно относят *охру*. Встречается она достаточно часто, на керамических изделиях в виде нанесенного красного ангоба, часто с использованием лощения, на костях, в качестве подсыпки и в небольшом углублении с кончиком однолезвийного ножа (М 110) или колесом (М 161).

Местонахождение охры в обряде: 1) останки человека (череп, рука, стопа, таз, весь костяк); 2) материальная культура (в сосуде, на фр. керамики, в лунке с колесом). Все погребения бустонского этапа, лишь могила М 37, в которой останки обильно посыпаны охрой, относится к молалинскому периоду.

Из 59 погребений охра зафиксирована, в том или ином виде, в 31 камере. Наиболее часто она применяется для придания красного цвета сосудам с напутственной пищей. Такое использование составляет более 2/3 от всего применения этой природной краски. Из 250 обнаруженных сосудов, 43 окрашены красным ангобом (более 17 %). Как правило, ангобировались горшки (51 %) и вазы (28 %). Окрашенными охрой были также 3 миски, 1 банка и 1 кувшин. Такие сосуды были обнаружены как в мужских, так и женских захоронениях.

Кроме того, в 2 могилах (М 196, М 253) лепные сосуды были покрыты охрой, в погребении М 126 охра была внутри культового цилиндрического сосуда (курильница), а в захоронении ребенка 5-7 лет (М 116) охра находилась на небольшом фрагменте керамики, находящийся перед лицом усопшего. Здесь он видимо применялся как votivный алтарь.

Также охру применяли в качестве подсыпки в камере для ограничения самой камеры от усопшего. В М 161, найденное колесо находилось в лунке с охрой.

Использование в погребальном обряде *меловой крошки* выявлено в захоронении ребенка 5-7 лет (М 116). Останки, положенные на подстилку были обильно засыпаны мелом, который также находился в углублении под головой, создавая тем самым своеобразную "подушку".

В могилах с ингумацией в обряде использовали *камень*, что находит выражение в наличие отдельных рваных гипсовых камней в камере, округлых гальках за головой и в сосудах.

Кроме того, камень использовали не только в обрядовой деятельности. Выше было сказано, что над двумя могилами (М 172, М 357) был прослежен настил из камня. В М 172 камень также подпирает хум с захоронением в нем младенца. В М 57 большими валунами заложен вход в камеру. Очень часто мелкая галька обнаруживается в примеси кирпичной массы, а также вместе с кирпичами, закрывающие входной проем. Все многообразие употребления камня показано в рис. 6.

В сосудах в 8 погребениях обнаружена речная галька, как правило, окатанная, с гладкой поверхностью, не больших размеров. Во всех случаях обнаружения камня в сосуде, конструкция камеры предполагала наличие входа. 5 захоронений из этой группы принадлежат женщинам, по антропологическому определению возраста не моложе 35-45/50 лет.

Таким образом, на бустонском этапе, которым представлено 88 % рассмотренных могил, наблюдается ряд инноваций в погребально-обрядовой деятельности. В первую очередь, это относится к несоблюдению правил трупоположения мужчин на правом боку, а женщин на левом, ранее обязательный к исполнению. Не соблюдается ориентировка трупоположения относительно частей света. Выявлены погребения с кратковременным поджиганием останков. Резко увеличилось количество различного рода и других проявлений огня (остатки костров, кострища, подсыпка в камере и пр.). Создавались надмогильные сооружения в виде земляной насыпи или каменного настила. При этом наблюдается и некоторый возврат к прошлым традициям, что проявляется в захоронении младенцев в хумах, изготовлении некоторых форм посуды, преобладание могил подбойных конструкций.

§ 1.2. Статистическая обработка данных по вторичным погребениям

В погребальной практике доисторической Бактрии, распространенной версией ингумации является вторичное захоронение останков человека, как полагают ученые, после обряда временного выставления усопшего, с целью освобождения его костей от мягких тканей. Анализ этой группы погребений позво-

ляет выделить ряд показателей, по которым проводятся признаки вторичных погребений: компактность, способ укладки костей, сочлененность некоторых частей тела и неполный комплект костей, имитирующая позу умершего (скорченность на боку). Данный обряд захоронения наблюдался в ряде могил Джаркутана-4Б, 4В и Б-IV (Ионесов, 1990, С. 143; 1996, С. 23).

По перечисленным признакам выявлено 38 вторичных захоронений, что составляет 21% от всех вариантов ингумации. Однако на данном этапе нами будут рассмотрены 32 подобных погребения. Остальные могилы отнесены нами к группам погребений останков человека с животными (М 87, М 156, М 318) и парной погребальной практики (М 43, М 52 М 115).

Следует отметить, что в некоторых, явно одиночных захоронениях, были зафиксированы кости двух людей; так в могиле М 90, среди небольшого количества костей (в основном трубчатых) присутствует 3 лопатки. Такая же ситуация наблюдается в М 140. Это захоронение является женским и вероятнее всего, третья лопатка была случайно положена в погребение вместе с другими костями. Погребение интересно тем, что часть позвоночника, тазовые и бедренные кости, а также стопа ноги находятся в сочленении. Это показывает то, что покойника действительно выставляли на дахму – со временем останки истлевали, их выжигало солнце (в теплое время года), часть, вместе с мелкими костями, как например фаланги пальцев, разносились птицами и животными, крупные кости обгладывались на месте, (что отражается в их погребальном наборе), зачастую, при помощи животных останки смешивались. Отсюда и наличие в погребальной камере одного человека, костей другого.

Так же, как и в погребениях с полной, не потревоженной ингумации, вторичные захоронения встречаются в *могильных камерах* всех четырех типов. Практически равное количество встречается в могилах подбойного (10) и подбойно-катакомбного (9) типа, в 7 случаях тип камеры определяется как катакомбный, из них две со спуском, остальные 6 – ямного типа. Здесь впервые в камерах катакомбного типа встречается входной проем со спуском. При этом спуск в камеру либо забутован кирпичным ломом и камнем (М 149), либо, веро-

ятно, имел настил, который не сохранился (М 118). Данное предположение выстраивается на основе обнаруженных остатков костра.

Необходимо отметить, что ямные, подбойно-катакомбные и катакомбные захоронения более раннего, молалинского периода, встречаются значительно чаще, чем в бустонское время, тогда как подбойного типа камеры на бустонском этапе встречаются в 90% случаев (рис. 7).

Соотношение этапа мы уже косвенно затрагивали при рассмотрении конструкции камер. Отметим, что здесь так же, как и в могилах индивидуальной полной ингумации, преобладают захоронения бустонского времени (56 %). Однако могил молалинского периода в рассматриваемой группе значительно больше – около 40 %, тогда как погребений полной, не потревоженной ингумации этого периода всего 8 %.

Подбойный тип камеры на молалинском этапе практически не использовался, известен лишь 1 случай ее применения (М 113). Интересно, что именно в этом погребении останки женщины, в других могилах данной конструкции все определенные по половозрастной характеристике останки принадлежат мужчинам.

В рассматриваемых погребениях, *каменный настил* как **надмогильное сооружение** присутствует лишь над одной могилой (М 327), которая принадлежит взрослому мужчине 25-35 летнего возраста. На высоте 25-30 см. от современной поверхности каменным набросом была накрыта входная часть камеры. Судя по высоте, на которой лежал настил, сверху присутствовала также *насыпь*. Последняя прослежена над 5 мужскими (в т. ч. М 327) и одним женским погребением. За исключением М 153, все остальные могилы бустонского времени.

Половозрастная характеристика в погребениях вторичной ингумации изучена наиболее полно (78 %), по сравнению с вариантами другой ингумации. Антропологически определены 13 мужских и 13 женских останков разных возрастных групп. Отметим, что женские погребения преобладают на молалинском этапе (61 %), в то время как 69 % мужских останков обнаружены в камерах бустонского времени. Женские захоронения не наблюдаются в грунтовых могилах

(табл. 2). Кроме того, женские могилы, как правило, имеют больший, по сравнению с мужскими, размер входного проема, в среднем на 15 см.

Мужские				Женские			
	М	М-Б	Б		М	М-Б	Б
яма	1		1	яма			
подбой			6	подбой	1		
п-кат	2		1	п-кат	4		3
катакомб	1		1	катакомб	3		2
итого	4	0	9	итого	8	0	5

Возрастная характеристика дана везде, где есть определение пола (кроме мужского захоронения М 44). Почти все останки отнесены к двум возрастным категориям – *adultus* (20-35 лет) и *maturus* (35-55 лет). Какой-либо привязки возраста к полу усопшего не наблюдается. Заметим, что в отличия от захоронений полной, не потревоженной ингумации, средний возраст мужчин (36 лет) здесь значительно выше и превышает средний возраст в женских (28 лет) могилах (табл. 3).

Возраст (в годах)	Возраст	Мужские	Женские
До 7 лет	Infantilis I	0	0
7-14 лет	Infantilis II	0	0
14-18 лет	Juvenis	0	1
20-35 лет	Adultus	5	9
35-55 лет	Maturus	7	3
Старше 55 лет	Senilis	0	0

Способ укладки останков в могиле чрезвычайно разнообразен: компактное скопление костей, собранных в одном месте (трубчатые кости, череп, ребра, лопатка, таз), расположение костей несколькими отдельными скоплениями (трубчатые кости, таз ребра + череп), попытка имитации анатомического порядка. Нередки случаи, когда кости находятся в нескольких частях камеры, или находятся разреженно в какой-либо части камеры (М 39, М 411). В последнем случае, камера сравнительно небольших размеров. Встречаются погребения, в ко-

торых череп находится отдельно от костей, а в одном случае обнаружен в вазе (М 153). Случаи, когда набор костей практически в полном составе, довольно редки (М 327, М 349). Оба погребения мужские в камере подбойного типа с попыткой положения костей в анатомическом порядке.

При *расположении черепа* прослежена его укладка в стороне от костей, рядом с их основным скоплением, сверху на компактно сложенных трубчатых костях. Из 33 погребений, череп присутствует в 31. Он располагался теменем вверх (5) или вниз (4), на лицевой части (2), в вазе (1). Ориентировка лица приводится при положении черепа на бок. Таких погребений всего 19. В 6 камерах череп ориентирован на север, 5 – на восток, в 4 могилах – на юг, по два на запад и северо-запад. Таким образом, строгая ориентировка черепа в данной группе погребений не выявлена.

Нередки случаи, когда часть костей находится *в сочленении*. Так, в М 327 (мужчина 25-35 лет) практически все кости выше таза идут в сочленении. Кроме того, большинство костей положено в имитации анатомического порядка. В М 187 (женщина 25-30 лет) в сочленении найдены большая и малая лучевые кости вместе с кистью руки. В М 140 (женщина 30-35 лет) тазовые кости идут в сочленении вместе с позвонками и бедренными костями. Здесь же в сочленении расчищена стопа. А в М 200 (мужчина 30-35 лет) в скоплении отдельных костей стопы ног находятся в сочленении. Все эти погребения определены бустонским этапом.

Необходимо также рассмотреть такой способ погребения, как *«пакет»*. Характеризуются такие погребения компактным положением костей, как если бы они завернуты в какую либо оболочку (шкура, кошма и т.п.). Такими погребениями можно назвать могилы М 118, М 136, М 139, М 349. Отметим, что два погребения – М 118 (бустонский этап) и М 136 (молалинского времени) катакомбной конструкции и принадлежат женщинам 20-30 летнего возраста. Другие два погребения М 139, М 349 подбойного типа бустанского времени. М 349 принадлежит мужчине 30-40 лет, а останки в М 139 не определены по половозрастной характеристике. Можно предположить, что такой способ захоронения

для мужчин характерен в могилах подбойного типа, а для женщин – в катакомбных погребениях.

Рассмотрим *местоположение костей в камере*. Мы выделили три основных позиции для определения местоположения костей относительно камеры: у входа, вдоль стены, в центре. Часто останки в камере распределены в нескольких местах могилы. В этом случае будет учитываться большая их часть. Большого преобладания останков в какой-то отдельной части в камере не наблюдается.

Преобладает положение останков в центре камеры. Однако, при таком местоопределении, кости, как правило, находятся не компактно, а занимают значимую часть камеры, рассредоточено или консолидировано в 2 или 3 частях. В тех же погребениях, где костные останки положены компактно, находятся рядом с входом в камеру. Расположение костей в каждой из позиций наблюдается и на молалинском, и на бустонском этапе, как в мужских, так и женских погребениях, большого разночтения здесь не наблюдается.

В *состав вторичной ингумации* мелкие кости, такие как фаланги пальцев, позвонки и т.п. включались редко, так как они терялись после выставления на «дахму». Для погребения собирались оставшиеся, как правило, кости крупных размеров, такие как череп, трубчатые кости, таз, и т.п. Так, например, череп отсутствует лишь в 2 погребениях (М 90, М 187). Крупные трубчатые кости (берцовые, лучевые, предплечья и др.) в том или ином варианте засвидетельствованы во всех могилах вторичной ингумации.

Следует обратить внимание, что нижняя челюсть не всегда присутствовала там, где в наличии был череп. В 12 захоронениях черепная коробка присутствовала, а нижняя челюсть обнаружена не была. Возможно, после выставления на дахме, нижняя челюсть, как и некоторые другие мелкие кости, были утеряны или растасканы дикими животными.

Выставление на дахму, видимо, было не столь продолжительным по времени. Есть также предположение, что кости подвергались механической очистке от мягких тканей. Об этом говорят нам некоторые останки, находившиеся в сочленении. Так, в погребении женщины 30-35 лет (М140) в центре камеры поми-

мо других костей, в сочленении были тазовые кости с позвоночником и бедренными костями. Еще одним таким погребением, является могила М 187 (останки также принадлежат женщине 25-30 лет), где среди костей обнаружен позвоночник, а также правая (?) рука с кистью и фалангами пальцев. В М 327 в имитации анатомического порядка были обнаружены останки мужчины 25-35 лет. Верхняя часть его тела (торс, верхние конечности, голова) также были в сочленении. Здесь же под скоплением костей обнаружена стопа ноги. Также были обнаружены в сочленении нижние конечности в погребении мужчины 30-35 лет (М 200).

Из всех видов костей, важно рассмотреть местонахождение черепа в камере. Здесь мы также приведем деление по позициям: у стены, в центре камеры и у входа. Если мы будем рассматривать то или иное местоположение по половозрастному признаку, то можно отметить следующие интересные детали. Во-первых, в могилах подбойного типа в центре камеры находятся только черепа, принадлежащие взрослым мужчинам. Во-вторых, в могилах катакомбного типа у входа находятся только женские черепа. Эти две особенности отражают общую картину, по которой большинство могил, где череп находился в центре камер, принадлежат мужчинам (58%), а погребения, в которых череп найден у входа в 62% случаях являются женскими захоронениями.

Способ *положения черепа* также не одинаков. В большинстве случаев зафиксировано положение на боку (правый, левый), а также теменной частью вверх и вверх. В наибольшем количестве могил (64%) череп лежит на боку; в 14 погребениях – на левом боку, в 6 – на правом. Отметим, что в женских погребениях на левом боку череп преобладает в камерах катакомбного типа, а в мужских – в могилах подбойной конструкции.

Рассматривая остальные варианты положения черепа, отметим положение, условно названное «теменем вверх». Три таких погребения являются мужскими, одно – женским, еще два не определены по половой принадлежности. «Теменем вниз», т.е. в перевернутом положении, череп находился в двух женских, одном мужском и одном не определенном погребении (всего 4 могилы).

Очень часто останки в камере находились на *подстилке*. Чаще всего она представляет собой подстилку из угольно-зольной прослойки, мелкой гальки, или остатков от камыша, кошмы, от которых осталась тленная прослойка под костями. Встречается также комбинированная подстилка, включающая несколько видов подсыпки, например мелкую гальку с угольками или охру с остатками органического тлена. Сюда же мы включаем и охровую прослойку под черепом, остатки которой также наблюдаются и на самом черепе. Видимо, охрой посыпался череп непосредственно после его укладки в камере. Использование охры в этом случае, вероятно, символизирует огненную стихию.

Применение подсыпки/подстилки, как под костями, так и по камере показано в рис. 8. Большинство погребений (66%) с присутствием подстилки относятся к бустонскому периоду. Что касается определения половой принадлежности, то можно отметить практическое одинаковое количество мужских (11) и женских (9) погребений. Здесь лишь можно добавить, что мужских погребений с присутствием подстилки больше в погребениях бустонского времени (из них пять – в камерах подбойного типа), тогда как женских погребений больше на молалинском и этапе.

В двух погребениях на костях прослежена охра (М 140, М 153). В могиле М 140 охра зафиксирована на тазовых и бедренных костях, находящихся в сочленении, а также на черепе. В погребении М 153 охра нанесена на кости черепа, который находится в вазе с мясной пищей. Оба погребения катакомбного типа, но относятся к разным этапам и принадлежат мужчине (М153) и женщине (М 140).

Подстилка из мелкой гальки присутствует в трех мужских и двух женских погребениях. Оба женских (М 326, М 378) и одно мужское захоронение (М 44) относятся к молалинскому периоду. Остальные два мужских погребения бустонского периода и оба подбойного типа (М 373, М 411).

Нанутственная мясная пища имеется в 15 погребениях, что составляет более 45 %. Набор костей присутствует самый разнообразный: чаще всего это задняя или передняя ножка, грудинка, реже крестец. Встречаются также позвонковые кости, лопатка, пяточная кость, астргалы и др. В трех женских по-

гребениях обнаружены *половина туши барана*. Характерная объединяющая черта – во всех камерах костные остатки располагались у стены справа от входа, при этом вход был оформлен с разных сторон света, а могилы были разновременными.

Сопутствующий инвентарь, обнаружен в 31 погребении (из 32). В понятие инвентарь мы включаем все находки оружия, орудий труда, предметов быта, украшений и предметов туалета. Для удобства, керамическую посуду рассмотрим отдельно от остального инвентаря.

Среди инвентаря наибольшее количество составляют находки votивных ножей (10) отдельных бусин или низка (каменных или бронзовых) (8). Встречаются также бритва (2), серьги (2), шила (2), votивные зеркала (2), пряслице, булава, каменный наконечник стрелы, рог, остатки двухколесной повозки.

Сразу следует отметить, что в могилах ямного типа инвентаря (кроме керамики) не обнаружено, а в подбойных захоронениях инвентарь зафиксирован всего в трех погребениях. В катакомбных погребениях, наоборот, в каждом присутствуют какие либо предметы туалета, украшения орудия труда и пр. (в основном, votивные металлические изделия).

Однолезвийные и двулезвийные ножи обнаружены в камерах и мужчин и женщин, однако, в мужских могилах они присутствуют в единственном экземпляре, а в некоторых женских захоронениях обнаружено по 2 или 3 ножа. Бронзовые серьги и бусы также характерны для женских могил, в камерах с останками мужчин они отсутствуют. Бусины из камня, зеркала, бритва, присутствуют в мужском и женском погребении.

Отдельно необходимо выделить могилу подбойно-катакомбного типа М 378, в которой помимо пряслица и двух votивных бронзовых ножей были обнаружены глиняные поделки (votивный алтарь с орнаментом, 2 круглодонных сосуда, votивный факел-светильник, фрагмент лепной керамики). На алтарике и одном из сосудов голубой краской были нанесены геометрические фигуры в виде кругов и треугольников. Эти поделки находились среди человеческих костей рядом с входным проемом.

Еще одна находка представляет собой каменный диск, обнаруженный под черепом мужчины 45-50 лет в М 411. Интересно, что это могила, где кости лежат на подстилке из мелкого гравия, а вокруг черепа лежат несколько галек более крупного размера, чем гравий.

Посуда была обнаружена во всех, кроме пяти погребений, три из которых подбойного типа. В могилах сосуды представлены 6 основными видами: горшок, миска, ваза, банка, кувшин, хумча. Всего, в 33 камерах вторичной ингумации было обнаружено 127 сосуда, не считая разрозненных фрагментов (7) (рис. 9). Типологический состав керамической посуды следующий: хумча – 5, банка – 7, кувшин – 17, миски 21, вазы – 25, горшок – 52. Количество сосудов в могилах варьируется от 1 до 11.

Среднее количество на одну могилу, без фрагментированных остатков, составляет 4,6 сосуда. Среднее количество на одну могилу у мужчин составляет 5 сосудов, в женских погребениях – около 3,7 сосудов. Отметим разнообразие в наборе керамического инвентаря в погребениях одной конструкции, как в мужских, так и женских захоронениях. Находясь хронологически на одной ступени, количество инвентаря варьируется от 2 до 11, что говорит о резких отличиях в социальном статусе усопших.

Месторасположение сосудов в камере не одинаково. Во всех типах могил большинство сосудов располагаются у стен камеры. Также сосуды находились в центре камеры, у входа. Некоторые сосуды или их фрагменты находились среди костей человека.

Рассматривая местоположение сосудов по трем принятым за основу относительно камеры позициям, мы видим, что более 60% всех керамических изделий (в том числе фрагменты) находятся у стены камеры, а в центре находится всего около 13% от всех сосудов (16 шт.). Примерно такое же соотношение керамики наблюдается, если рассматривать количество сосудов относительно этапов или половозрастной характеристики. Т.е. в погребениях вторичной ингумации на протяжении обоих периодов было характерным расположение сосудов большей частью у стены, как в мужских, так и женских погребениях.

В погребениях бустонского времени, как в мужских, так и женских, такой тип сосудов, как «ваза» был отмечен всего в одной могиле (М 411), тогда как в могилах молалинского времени вазы обнаружены практически во всех камерах, где была обнаружена посуда. Интересен тот факт, что еще в 4 камерах были обнаружены резервуары ваз, т.е. ножка вазы была (возможно, преднамеренно) отбита.

Часть посуды *окрашена охрой*. Соотношение вариантов окраски – 5 покрыты охрой, на 17 нанесен ангоб. Окрашенная керамика присутствует в 10 мужских и 5 женщин погребениях. Как правило, ангобировались горшки (12), а также вазы (4) и миски (3). Необходимо сказать, что на бустонском этапе посуда окрашивалась значительно чаще (22,6 %), по сравнению с сосудами молалинского времени (10,3 %)

Огонь присутствует в самых разнообразных сторонах ритуального действия. Наибольшее количество проявлений огня прослежено в качестве кострищ остатков от костра (9), в подстилки под человеческими останками (11) и его употребления в кирпичной массе (8).

Так как наличие костра или кострищ, а также продуктов горения огня (угольки, зола) в качестве подстилки уже было описано, то нам осталось рассмотреть наличие угольков в кирпичной массе. Здесь при самом поверхностном изучении выделяется следующая интересная деталь. Так, из 8 погребений, где в кирпичной массе присутствуют угольки, 6 являются могилами молалинского периода. Половина могил катакомбной конструкции. Более того, все погребения женские, что не может не обращать на себя внимание.

Редким являются погребения, останки в которых подверглись кратковременному горению, в следствии чего были частично обожжены. Причем в могилах бустонского этапа (М 149, М 220, М 245) термическому воздействию подвергали только череп, а в захоронении молалинского времени (М 157) следы воздействия огня прослежены на всех костях.

Использование **камня** также присутствует в погребениях вторичной ингумации. Чаще всего он обнаружен в заполнении входа, в насыпи, в сосудах, в ка-

мере, в качестве подстилки. В одном случае мелкая галька присутствует в кирпичной массе (М 200).

Наличие камня в сосуде наблюдается в четырех мужских и 1 женском погребении. Три погребения, которые относятся к бустонскому этапу, являются могилами подбойного типа с захоронением мужских останков. Остальные два погребения молалинского времени.

Из пяти погребений, где камень был найден в камере, интересно рассмотреть погребение М 65, в котором кроме небольшого валуна около входа в камеру справа стороны, с левой, в небольшом углублении находятся 6 окатанных галек, с каким-то явно ритуальным значением. Данное захоронение бустонского периода принадлежит женщине 20-30 летнего возраста.

Исходя из того, что выявляется при систематизации всех захоронений вторичной ингумации, мы можем сделать вывод, что обряд выставления на «дахму» усопшего продолжал существовать на последнем этапе Сапаллинской культуры, и человеческие останки после выставления их на дахму предавались земле со свойственной для такого типа погребениям обрядам и обычаям. Отделенные от плоти человеческие кости считались «очищенными от скверны», а потому, обряд вторичного захоронения резко отличается от прочих видов ингумации.

Само по себе слово «дахма» имеет несколько значений. Так, Х. Хумбах считал, что слово «дахма», наряду со значением «место для выставления трупов», означало также «окруженная стенами могила, "мавзолей"» (Humbach, 1961. P. 99-102). Б. А. Литвинский полагает, что в одних случаях «дахма» могла быть местом для выставления трупов, а в других, местом для хранения уже очищенных костей (Литвинский, 1983. С. 113). В книге Г. П. Снесарева понятие авестийского термина «дакма» (искаженное «дахма») обозначал «место сожжения», «погребальный огонь» (Снесарев, 1969. С. 144).

В нашем случае дахма была сооружена в виде каменного наброса ниже уровня древней поверхности на 30-35 см., размером 230x170 см. В центральной части под камнями также в углублении были выявлены остатки кострища, видимо, символически очистившее землю. Среди каменного наброса были обна-

ружены фрагменты керамики, различные изделия из камня (лазуритовые, сердоликовые бусы), металла (клипсы, фрагмент булавки), другой инвентарь молалинского времени.

Мы не можем с уверенностью сказать, существовал ли какой-то порядок при расположении костей, а значит, не можем говорить о его смысловом значении, если этот порядок применялся на практике. Можно, отметить, что сопроводительный материал и характер самого инвентаря не выделяется с инвентарным набором в погребениях традиционных форм.

Собранные компактно или же разложенные в имитации анатомического порядка, кости свидетельствуют о том, что перед нами совершенно иной, в отличие от труположения обряд захоронения, который преобладает в соотношении с другими формами ингумации. Соответственно из этого положения вытекает и то, что обряд сложения костей предварял ряд других определенных действий. Имеющиеся факты сложения костей указывает на существование порядка действий, отличающегося от стандартного для культуры Сапалли труположения. Вопрос его появления может быть связан с обрядами этнического характера, зарождением каких-то идеологических и религиозных перемен в обществе.

§ 1.3. Обработка данных оскверненных захоронений

Данная группа погребений незначительна по своему количественному составу и дополняет рассмотренную группу могил, не потревоженной ингумации. Выделяет ее особенность преднамеренного нарушения анатомического порядка костяка, что чаще всего характеризовалось в осквернении грудной клетки или головы. Ритуал характеризует собой некоторые действия в нарушении анатомического порядка расположения костей, перемещение черепа или переворачивание относительно остальных костей, а также беспорядочное нарушение в грудной клетке, где по верованиям многих племен и народов находится душа человека. В большинстве случаев в рассматриваемых погребениях наблюдаются оба вида осквернения.

Подобная традиция прослеживается, например в осетинской погребальной традиции, где колдуны, умершие от удара молнии, самоубийцы и те, кто обесчестил свой род или семью, подвергались практике намеренного разрушения трупов нечистых (Чиби́ров, 2008. С. 249).

Оскверненных могил исследовано сравнительно немного. Из общего количества могил полной ингумации, оскверненные составляют всего чуть около 5 % или 9 из 181 погребений (рис. 10). Таким образом, можно говорить об очень редком использовании данного ритуала и его возможной связи с какими-либо событиями в жизни бустонцев.

Рассматривая данную группу могил, отметим, что оскверненные останки в М 324, в данном параграфе учитываться не будут, так как это захоронение является парным и будет рассмотрено ниже, в группе могил с парным обрядом.

Над 4 погребениями были зафиксированы *остатки от костра* и кострище. Два погребения принадлежат женщинам, одно – мужчине, еще одна могила не определенная. Единственное кострище находится над погребением молалинского этапа, а погребения, над которыми зафиксированы остатки костра, относятся к бустонскому этапу.

Тризна – одна из составляющих частей после погребального действия, в рассматриваемой группе не прослежена.

Что касается *типа погребальных камер*, отметим преобладание могил подбойно-катакомбного типа, а могил катакомбной конструкции нет вовсе (рис. 11). Шесть погребений определены заключительным бустонским периодом СК, еще две могилы (обе подбойно-катакомбной конструкции) более раннего, молалинского времени.

Форма погребальной камеры округлой или близкой к подобному типу, размерами от 110x110см. до 240x210см. Вход оформлен подпрямоугольным видом размерами от 45x80 до 100x150. Камера выполнялась под конкретного человека, так как ее размеры напрямую зависят от останков.

В двух погребениях подбойно-катакомбного типа вход выполнен в виде ступенчатого спуска (М 18, 285). Отметим, что единственное погребение ямного типа (М 358) по форме близко к правильному кругу. Выделяется от других эта

могила еще и тем, что в камере, в процессе расчистки были зафиксированы остаточные следы от существовавших когда-то свай, на которые, по-видимому, было положено перекрытие, до нас не сохранившееся. Всего удалось проследить следы от пяти свай, которые располагались по краям камеры. Кроме того, камера имела заплечики, на которые, возможно, и было возложено перекрытие с опорой на сваи. На высоте около 50-70 см. от могилы был зафиксирован каменный настил, а под ним следы от костра.

Закладка входа была разнообразной, от кирпичного лома или небольшого количества каменного наброса, до мощной кладки в 5 рядов. При изготовлении кирпича иногда использовались остатки от костра. Угольки в кирпичной массе прослежены в кирпичной массе трех погребений, а в одном случае кирпич был обожжен (М 210).

Как мы уже отмечали, наблюдается *два вида осквернения*: нарушение торса и изменение положения черепа. В 5 погребениях из 8 нарушенными были и торс и череп. Интересно то, что в погребении М 397 подобному акту подверглись останки ребенка младшего возраста (*infantis I*).

В погребениях молалинского этапа осквернению подверглись в одном случае только торс (М 401), а в другом, торс и голова (М 285). Заметим, что погребение М 285 отлично от других определенным своеобразием. Здесь форма осквернения выражается в перемещении костей внутри камеры. Похожая ситуация наблюдается в М 214 бустонского этапа. Череп в этом погребении также перенесен к входу, однако возможно размеры камеры не позволили отдалить череп на значительное расстояние и потому он находится непосредственно около ступней ног.

В большинстве погребениях (6) *останки расположены* в центре камеры, а в могиле ямного типа – у стены. Еще в одной могиле (М 285) кости расположены в различных частях камеры: череп находится у входа, нижние конечности в центре камеры, а торс, тазовые и бедренные кости находятся у стены. Можно лишь предположить, что костяк изначально располагался у стены, там, где находится большинство костей, а впоследствии кости были перераспределены по камере как вариант осквернения.

В трех погребениях бустонского этапа под останками была прослежена органическая *подстилка*. В единственной могиле ямного типа М 358 – это угольно-зольная подсыпка, а в камерах М 18 и М 210, под костями расчищен коричневый тлен (камыш, кошма). Погребение М 358 является женским, М 18 – мужское, а останки из могилы М 210 не определены по половозрастной характеристике. Кроме того в погребении М 358 угольки прослежены на полу по всей камере. В 5 погребениях подбойно-катакомбного типа, подстилка выявлена не была.

Ориентировка черепа, в том положении, как он был обнаружен, здесь наблюдается самая разнообразная. На Запад черепа ориентированы в двух погребениях (М 397, М 401) различных периодов. В других могилах ориентировка черепа разнообразная: на Север (М 210), Юг (М 18), Восток (М 214), Северо-Запад (М 332), Северо-Восток (М 285). В могиле ямного типа (М 358), череп лежит лицевой стороной вверх. Таким образом, определенной ориентировки лица не наблюдается, что, видимо, связано с изменением анатомического положения черепа.

Напутственная мясная пища зафиксирована в двух погребениях бустонского времени: в М 210 подбойной конструкции ребра и трубчатые кости барана были обнаружены в горшке у входа в камеру; в могиле ямного типа М 358 позвонки барана обнаружены в центре камеры вокруг горшка.

Инвентарь зафиксирован в 6 погребениях из 8. Это 4 однолезвийных ножа, 2 однолезвийных секача, 2 пряслица, 2 бусины, вотивное тесло, подвеска, браслет, колесо, рог и металлические пластина. Как мы видим, наибольшее количество составляют вотивные металлические изделия.

Однолезвийные ножи присутствуют попарно в двух одновременных погребениях, одно из которых принадлежит женщине, второе не определено по половозрастной характеристике. Одно из пряслиц, обнаруженное в мужском погребении находилось в хумче среди скопления угольков.

Посуда присутствует во всех погребениях в количестве от 1 до 7 экземпляров. Среднее количество на одну могилу составляет около 4 сосуда, однако ни одного погребения с таким количеством сосудов нет. Если мы будем рассматри-

вать только мужские и женские погребения, заметим, что в 2 из трех мужских могилах количество сосудов равно двум (в среднем 3 сосуда), а в двух женских захоронениях присутствует 5 и 6 сосудов (в среднем 5,5 сосудов).

Что касается *местоположения сосудов* в камере, то бросается в глаза отсутствие сосудов в центре камеры, в трех могилах часть сосудов находится у входа. Большинство же сосудов (82%) во всех погребениях (исключение М 210) располагаются вдоль стен.

Стоит отметить, что в рассматриваемых погребениях бустонского этапа *вазы* отсутствуют. Это показывает, что на последнем этапе отношение к данному типу сосудов меняется кардинальным образом. Данные по такому отношению к вазам можно проследить и в других вариантах ингумации. Так, в полной, не потревоженной ингумации, вазы встречаются крайне редко, а те, что есть, окрашены охрой, что, вероятно, говорит об их особом назначении. В группе с обрядом вторичного захоронения, ваза обнаружена лишь в погребении М 411, но и там она окрашена охрой.

Из 33 обнаруженных керамических изделий, 8 (24 %) окрашены *охрой*. Они обнаружены в 4 камерах бустонского и 1 молалинского времени. Окрасу в основном подвергались горшки (4, 1 с лощением), в единичном варианте банка, ваза (с лощением), хумча и миска.

Использование огня в своем большинстве определяется нахождением остатков костра или кострищ, а также в качестве подсыпки в камере и под останками в погребении М 358. Угольки были обнаружены в сосуде (хумча) с пряслищем в погребении М 332. В могиле М 358 уголками было посыпано дно в камере, а также угольно-зольная прослойка находилась под останками молодой женщины 15-18 лет. В кирпичной массе, закрывающих входной проем в камерах М 214, М 285, М 332 также были прослежены угольки, а в погребении М 210 кирпич был обожжен.

В рассматриваемой нами группе могил, **использование камня** прослежено в пяти погребениях бустонского этапа. В двух погребениях (М 332, М 358) камень зафиксирован в насыпи, что позволяет нам говорить, что данные погребения имели настил, о котором уже говорилось выше. Мелкая галька (с уголками)

также была использована при производстве кирпичной массы, которые закрывают вход в погребения М 214, М 332.

Еще в двух погребениях камень использовался в закладке входа. В М 18 камень был положен поверх кирпича, а в М397, только камни различной величины перекрывали небольшую входную ступень.

Из приведенного выше материала мы видим, что группа оскверненных захоронений довольно малочисленна, но при этом создает широкий простор для дальнейшей интерпретации таких погребений на основе археологических данных совместно с этнографическими материалами.

Почему и с какой целью происходили преднамеренные осквернения могил? Происходили ли такие действия с периодичностью или вызваны какими либо субъективными предпосылками? Вероятно, представления о жизни после смерти у бустонцев тесно переплетались с «земной» жизнью, а потому они и пытались такими радикальными действиями изменить ход текущих событий. Однако это лишь предположения, требующие углубленного изучения и доказательств.

§ 1.4. Статистический анализ захоронений с трупосожжением

Самым ярким культурным феноменом Б VI является обряд кремации и полуназемные ящики, где осуществлялся акт сожжения усопших. За 14 полевых сезонов было зафиксировано 36 случаев сожжения останков человека, что значительно превышает все подобные погребения в памятниках СК. От общего число вариантов захоронения, кремирование составляет около 17 % (рис. 12).

Кальцинированные кости человека были обнаружены в 35 камерах различной конструкции. Большинство из них (30) одиночные захоронения, исключение составляют 2 могилы с кремированными останками человека и целыми тушами животного (М 54, М 86), а также 3 погребения с обрядом парного захоронения (М 60, М 115, М 184). В настоящем разделе будут рассматриваться только одиночные погребения кремированных останков, а вышеуказанные исключения войдут в соответствующие разделы с парным обрядом и захоронения останков человека с животными.

Хронологически погребения также как и остальные могилы принадлежат 2 заключительным периодам. Обряд в большей степени использовался на последнем, бустонском этапе (70 %), что выражается в количественном соотношении, как самих могил (21), так и ящичков для кремирования (6). Молалинский период представлен 7 погребениями (23 %), 1 захоронение молали-бустонского времени, еще 1 не определено из-за отсутствия в камере какого-либо сопутствующего инвентаря.

Над некоторыми могилами были прослежены *надмогильные сооружения*, выполненные в виде земляной насыпи или настила из небольшого рванного камня или кирпичного лома. *Насыпь* – невысокое (25-45 см.) земляное возвышение над камерами, выполненная из грунта могильной ямы и дерна, что демонстрируют могилы бустонского времени (М 66, М 127, М 219). Подобная конструкция также присутствует над входом единственного катакомбного захоронения (М 174). Над двумя погребениями, насыпь удалось проследить по остаткам костра (М 66, М 174), еще одно – по фрагменту нижней части сосуда – возможно остатки тризны (М 127). Насыпь одного из погребений (М 219) выявлена по накрывающим ее камням, образующих настил. Последний также обозначен над двумя могилами подбойной конструкции – также бустонского времени. Однако, они отличаются использованным для его выполнения материалом, а также площадью распространения. Настил из камня находился над входным проемом погребения М 272, а в погребении М 338 настил состоял из кирпичного лома, накрывающий непосредственно камеру. Видимо, настил осел в следствии обвалившегося свода камеры и поэтому был обнаружен в пределах самой камеры.

Могилы с кремированными останками представлены всеми *типами конструкции камеры*, однако, катакомбный вариант устройства зафиксирован лишь однажды (М 174). Сопоставляя конструкцию погребальной камеры и время ее создания, стало заметно, что на более раннем, молалинском этапе, могилы имели широкий, относительно камеры, входной проем. К бустонскому периоду стали больше использовать подбойную конструкцию и ямные могилы (рис. 13).

Входной проем подпрямоугольный, края округлые, в единственном погребении катакомбного типа (М 174) вход имеет ступенчатый выступ. Размеры входной части в целом подчинены размерам самой камеры, а его средняя величина составляет 0,74 м². Во всех могилах вход был заложен кирпичом или кирпичным ломом, в погребении М 84 в кладке помимо кирпича использован крупный валун. В четырех захоронениях разного времени в кирпичное тесто добавлена примесь из угольков и золы.

Вход имеет разнообразную направленность своего оформления, однако заметно преобладание ориентировки данной части погребального сооружения с З, СЗ и С сторон (рис. 14), что составляет 89 % всех могил, конструкция которых предполагает наличие входного проема. Исключения в виде В и ЮЗ оформления входа присутствуют в могилах подбойной конструкции М 84 и М 166.

Форма погребальной камеры в могилах, конструкция которых предполагает наличие входного проема, почковидной (44 %), или округлой или близкой к ней формы (50 %). Одно погребение подбойно-катакомбной конструкции выделяется обкладкой по периметру камеры подобранными по размеру и форме валунами и камнем (М 71). Это единственное погребение, где погребальная камера не с округлыми стенками, а практически ровной, подпрямоугольной формы.

В могилах ямного типа камера подпрямоугольного вида (11 из 12), одна из них (М 262) с заплечиками, еще одно погребение овальной формы. Камеры не имеют устойчивого *размера* и варьируют в пределах от 0,8 до 2,3 м². Длинной осью все могилы данного типа ориентированы по линиям, входящие в диапазон С-Ю – З-В. Единственным исключением является погребение М 219, ориентировано по линии ЮЗ-СВ.

В 80 % камер кремированные останки расположены в ее центральной части или близко к нему. Такое местоположение кремации наблюдается во всех типах камеры за исключением могилы катакомбной конструкции (М 174), где кальцинированные останки находились у противоположной входу стены. У стены останки расположены в двух ямных захоронениях (М 150, М 273), а также в погребении подбойного вида М 317. Еще в двух камерах подбойно-катакомбной конструкции остатки кремации относительно камеры находились у входа.

Кальцинированные кости размещались на дне компактно, в виде небольших скоплений, по площади занимаемая в среднем от 0,04 до 0,1 м². Лишь в одном погребении (М 84), этот показатель был превышен, причем значительно, до 0,2 м². Есть также и погребения с явно не полным собранием сгоревших останков, где остатки кремации расположены на площади 0,02-0,03 м² (М 150). Вместе с тем нередко могильные ямы достигают крупных размеров, длиной более 2 м и ширина до 1,5 м. Средние размеры могильных ям в целом достаточно точно соответствуют размерам ям погребений, в которых совершены захоронения по способу труположения (ингумации). Это позволяет предположить, что ритуал предусматривал не простое захоронение кремированных останков, а нечто иное, обряд, требующий более обширное пространство погребальной камеры. Таким обрядом, вероятно, была традиция погребения кремированных останков в «кукле». Именно на таком предположении строится интерпретация материалов из алакульско-федоровского могильника Кулевчи-VI. Н.Б. Виноградов, на основании наблюдений за расположением двух скоплений кремированных останков и бронзовых украшений в погребениях этого могильника, интерпретировал их как захоронения праха, помещенного в «куклы». Относительно расположения находок, связанных с этим скоплением, Н.Б. Виноградовым сделаны следующие выводы: «Если исходить из этого (наличия в погребении «куклы»), то становится понятным расположение погребального инвентаря. Украшение верхнего края обуви низками бронзовых бусин традиционно для алакульских женщин, захороненных по обряду труположения. Не случаен, видимо, и факт залегания некоторых украшений непосредственно на обломках кальцинированных костей». Сходная картина наблюдается и в других погребениях этого могильника (Виноградов. 1984. С. 136 – 153).

Данный вывод о наличии "кукол" в андроновских погребениях Н.Б. Виноградов сделал на основании аналогий с погребальными куклами-манекенами более поздней, таштыкской культуры, где также практиковалось сожжение умершего. Как свидетельствуют таштыкские материалы, оставшийся в ходе сожжения пепел собирали в кожаный мешочек. Затем шили человекообразный манекен размером с покойника. Изготавливали такие куклы из травы и обшивали

кожей, а возможно, берестой и материей. Внутри помещали мешочек с пеплом (Грязнов, 1979. С 93; Вадецкая, 1986, С. 134).

Однако захоронение производилось не только в куклах и небольших углублениях. Так, среди значительного по объему скопления кальцинированных костей в М 317 была обнаружена бронзовая булавка, что, возможно, говорит о погребении кремированных останков в каком-то "пакете", "заколотый" вышеупомянутой булавкой. Об этом свидетельствует и прослеженный среди кальцинированных останков кремации коричневый органический тлен – видимо, остатки оболочки "пакета".

Практиковался также и вариант захоронения кремированных останков в большом углублении (лунке). Выделяется при таком варианте захоронения кремации способ в погребении М 203. Лунка здесь значительно больших размеров (10 x 25 см.), а находившиеся в ней сожженные останки накрыты донной частью хума, который с 3 стороны подпирали 2 формовочных кирпича.

Расширить круг вариантов способа захоронения кремированных останков позволяет погребение М 128. Здесь остатки трупосожжения были обнаружены в сосуде – вазе на высокой полый ножке со следами лощения и резервуаром типа открытой тарелки, обильно окрашенный охрой. Сосуд стоял на стыке камеры и входного проема, которые фактически находились на одном уровне. Сверху вазы лежали куски мяса (лопатка и ребра барана). По определению Куфтерина В. В. в вазе находились сгоревшие фрагменты теменной кости и нижней челюсти, т.е. видимо, кремирована была только голова человека (Куфтерин. 2009, С. 225).

Таким образом, по способу укладки кремированные останки представлены следующими вариантами: на дне камеры; в грунтовых лунках; сложены в кусок ткани; помещены в “куклу” или манекен; в сосуде.

Мясная пища прослежена в 14 погребениях (47 %) всех типов камеры. Она представлена, как правило, регламентированными кусками – передняя или задняя ножка (трубчатые кости), грудинка (ребра), лопатка барана. Выделяется погребение М 112, где помимо остатков костей барана (у Ю стенки в вазе лопатка, в С части – ребра, трубчатые кости, астрагалы) был обнаружен крестец коровы, находящийся в СЗ части камеры.

Многочисленны в погребениях с кремацией различные *находки орудий труда, украшения и предметы туалета*, которые обнаружены в 19 камерах (63 %). Инвентарный комплекс представлен вотивными металлическими изделиями, бронзовыми и каменными украшениями (бусы, подвески, серьги, булавки и пр.), а также глиняными поделками (миниатюрный сосуд, алтарик, набор фишек).

Отметим, что в могилах ямного типа инвентарь представлен, не так широко, как в погребениях подбойной и подбойно-катакомбной конструкции. Из 12 ямных захоронений, инвентарь зафиксирован в четырех камерах – 33 %; еще в двух могилах были обнаружены обугленные брусочек (М 20) и диск (М 75), которые не сохранились и их назначение не определено.

Среди инвентаря наибольшее количество составляют находки вотивных однолезвийных (5) и двулезвийных (4) ножей, отдельных (в 1 могиле от 1 до 5) каменных или бронзовых бусин (6), пряслица (6). Многообразие находок в рассматриваемых могилах приведено в табл. 4.

табл. 4 Виды находок					
глиняные/керамические		каменные		металлические	
пряслице	2	пряслице	5	ножи однолезвийные	5
колесо	2	пряслице-бусина	3/2	ножи двулезвийные	4
гл. поделки (сосуд, алтарь, фишки)	2	бусы	8/3	бусы	11/3
		подвески	1	серьга / клипса	4/3
		наконечник стрелы	1	булавка	2
				тесло	2
				неопределенные предметы	2
				другое *	4

* подвески височные, вотивный жезл, гофрированная пластинка, спица – по 1.

**знаком «/» показано соотношение количества находок с количеством камер

В 8 погребениях находки были обнаружены в сосудах. В 4 случаях это были ножи, которые лежали в мисках вместе с остатками мясной пищи, еще в 4 сосуда положены пряслица (М 148, М 317) и пряслица-бусины с циркульным орнаментом (М 219). В одной камере в вазе была найдена бронзовая подвеска (М

283). Отдельно выделим находка каменного (кремень) черешкового наконечника стрелы листовидной формы. Наконечник был положен на кирпичную ограду внутри камеры (М 273) с СВ стороны, а сверху накрыт вазой.

Посуда, в целом повторяет использованные в обрядовых группах ингумации формы и типы сосудов (банка, горшок, кувшин, миска, ваза). Однако в рассматриваемой группе погребений встречаются и крайне редкие, единичные для некрополя типы посуды, встречающиеся только в могилах с кремацией. Это чайники с округлым или биконическим туловом и трубчатым носиком (М 84, М 148, М 219), а также кубок на высокой ножке с биконическим резервуаром.

Всего в могилах обнаружено 140 археологически целых сосуда, а также более 10 фрагментов керамики. Наибольшее количество представлено горшками (68), которые широко употреблялись на обоих этапах заключительного времени СК. Соотношение сосудов в погребениях с трупосожжением представлено в рис. 15.

Местоположение сосудов в камере разнообразно. Особо выделяется расположение посуды по линии в ряд, которое прослеживается в более чем половине захоронений (16 из 30). Ориентировка поставленных в ряд сосудов схожа и в 75 % направлена по линии З-В – ЮЗ-СВ. Отклонением являются 4 погребения, в которых сосуды ориентированы по линии С-Ю – СЗ-ЮВ. Количество выставленной по линии посуды, варьирует от 4 до 6 шт. Оно не имеет определенного, единого для всех погребений местоположения. В 9 могилах сосуды поставлены по центру камеры, в 5 – керамика находится в центре, еще в 2 – у стены.

В 17 погребениях обнаружены 23 сосуда *со следами окраса охрой*, что составляет 16,4 % от всей обнаруженной в данной группе могил посуды. Из них, половина (12 сосудов) сохранила на себе следы лощения. При этом лощеными оказались в основном горшки (11) биконической и подбиконической формы, а также 1 ваза (М 283).

Охрой покрыты сосуды разнообразных форм: 5 ваз (в т. ч. ваза с останками кремированных останков – М 128), 4 горшка, банка и кувшин. Отметим, что на молалинском этапе, ангобированная или покрытая охрой посуда встречается крайне редко: было обнаружено 2 вазы (М 33, М 56) и кувшин (М 174).

Охра в обрядовой деятельности также использована в качестве подсыпки в камере М 192; здесь же охрой была засыпана лунка с колесом. Также она прослежена среди фрагментов резервуара вазы в погребении М 71.

Меловая подсыпка выявлена в одном случае (М 117). По расположению украшений и посуды можно предположить, что на ней лежала "кукла", в которую были вшиты останки трупосожжения.

Использование камня в погребальной практике обряда захоронения кремированных останков немногочисленно. Выше уже упоминалось об использовании рванного камня в качестве настила (М 219, М 272). Еще в двух погребениях были обнаружены гальки небольшого размера. Оба захоронения подбойно-катакомбной конструкции: в М 33 количество галек равнялось 3, а в М 393 – 7. В обеих могилах гальки находились у входа с СЗ стороны. Еще в 2 погребениях (М 84, М 317) камень использовался в сооружении кладки входа. Выделяется каменная ограда по периметру камеры в М 71. Она выполнена из подобранных, одинаковых по форме речных валунов, которые выставлены на дне камеры, образуя тем самым ящик для захоронения останков человека.

Проявления огня использованы в самых разнообразных культурно-хронологических контекстах. Наиболее часто прослеживаются остатки костров и кострищ, которые выявлены в 11 погребениях (6 молалинского времени, 5 - бустонского). В могилах, конструкция которых предполагает наличие входного проема (8), остатки костра и кострища в основном находятся над входной частью камеры (М 148, М 166, М 174) или непосредственно на кирпичной кладке (М 33, М 71, М 112, М 192). Остатки костра и кострище также прослежены над 3 погребениями ямного типа. Кострище выявлено над Западной частью могилы молалинского времени (М 56), а остатки костра в насыпях погребений бустонского времени (М20, М 66). Все многообразие использования огня показано в рис. 16.

Таким образом, обряд кремирования человеческих останков был распространен в практике бустонцев. Трупосожжение проходило в специальных сооружениях, определенные как «кремационные ящики». (Аванесова, Тошпулатова, 1999. С. 28; Аванесова, 2010. С. 127). Выполнены они из сырцового формо-

вочного кирпича, подпрямоугольной формы с незначительным углублением стенок в грунт. Все ящики для кремирования вытянуты по осевой линии СВ-ЮЗ с небольшими отклонениями.

За период исследования памятника были обнаружены 8 таких строений, расположенных на разных участках могильника, сгруппированных по 2-3 ящика. Вокруг каждой группы "кремационных ящиков" на уровне древней поверхности зафиксировано множество кострищ – остатки от жертвенных костров и символические погребения. Строения I-III расположены в ЮВ части некрополя, занимая площадь 60 м² на кв. И-Н // 15-17. Другие ящики для сжигания останков находились на значительном отдалении к СЗ от первой группы на квадратах Ч-Щ // 9-11 (Кр. IV-VI) и Ъ-Ю // 9-6 (Кр. VII-VIII) на небольшом друг от друга расстоянии.

Назначение ящиков установлено с абсолютной бесспорностью, что подтверждается находками кальцинированных костей человека, степенью обожженности стен и стратиграфическим заполнением камер. Последнее также свидетельствует о неоднократности их использования. Так, на самом дне Кр. I располагался плотный слой фрагментов обожженных кирпичей, под которыми обнаружены кости мелкого рогатого скота со следами сильного воздействия огня. Далее идет плотный слой несгоревшего угля, зольное скопление, в котором были найдены несколько фрагментов керамики.

То, что кремирование останков совершалось не внутри могильной камеры, а в специально сооруженных для этих целей ящиках, говорит степень озоленности и прокала костей. Останки подвергались воздействию огня, температура которого превышала 700-750° С, а такой градус на открытом огне достигается редко (Куфтерин, 2009. С. 223).

В рассматриваемых строениях кремировали не только останки человека, в кирпичной массе и на дне некоторых ящиков наряду с кальцинированными костями человека находились и мелкие обожженные кости животных. Исследование останков из ящиков и некоторых погребений (М 128, М 219, М 393) было проведено антропологом В. В. Куфтериним (Куфтерин, 2009 С. 222-225). Результаты изучения показали, что кремированию подвергались люди разного по-

ла и возраста. Кроме того выяснилось, что сожжению подвергали именно тело усопшего, а не сухие обезжиренные кости. Также в некоторых ящиках были обнаружены обожженные костные останки мелкого рогатого скота, достоверно определенные в некоторых ящиках. Это свидетельствует о том, что обряд включал жертвоприношение животных (части туши).

Погребения с кремацией являются объектами разнообразных интерпретаций: от восприятия этих объектов как средство очищения до способа освобождения духа. И Вунн считает, что такие погребения указывают на веру в существование души, которая освобождается от своей земной оболочки, что облегчает ее переход в «иной мир» (Wunn, 2001. S. 134). К. Е. Бочваров же предполагает, что кремирование останков мыслилось в одном и том же религиозном контексте, что и ингумация, но при этом тесно связано с поклонением огню (Бочваров, 2010. С.121).

Таким образом, начиная с молалинского этапа, сапаллинцы, ранее традиционно хоронившие своих умерших по обряду трупоположения в скорченном положении на боку (изредка прибегая к положению усопшего на живот, спину или в сидячем положении) (Аскарлов, 1977; Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Ионесов, 1990), стали практиковать обряд трупосожжения, что является диагностическим признаком степных андроновских племен (Аванесова, Тошпулатова, 1999. С. 27-36).

§ 1.5. Экстраординарные захоронения

За период изучения могильника было исследовано 211 погребений с различными формами ингумации и кремации. В 6 погребениях, составляющие незначительную часть от общего количества могил (рис. 17), представляют **соотношение различных вариантов ингумации и кремации** человека, что разительно отличает их от других захоронений, а потому, будут рассмотрены отдельно.

Могила с парным обрядом захоронения человеческих останков, выполненные в разнообразных вариантах ингумации и кремации, находятся в камерах

различной конструкции, форм и размеров. Соотношение вариантов погребения по отношению к типу камеры приведено в табл. 5.

табл. 5 Погребения с парным обрядом захоронения								
№	Тип камеры	Захоронение 1			Захоронение 2			Этап
М 43	подбойная	Вторичное	F	?	Фракционное (кисть руки)	?	?	Б
М 52	подбойно-катакомбная	Вторичное	mat	?	Фракционное (череп)	?	Inf I	Б
М 60	катакомбная	Фракционное (в сосуде)	?	?	Кремация	?	?	Б
М 115	яма	Вторичное	F	40-50	Кремация	?	?	Б
М 184	яма	Кремация	?	?	Кремация	?	?	Б
М 324	подбойно-катакомбная	Ингумация (в мешке)	М	35-45	Ингумация (оскверненная)	?	8-9	М-Б

Хронологически 5 могил характеризуют бустонский этап, еще одно – единственное с ингумацией взрослого мужчины и ребенка – переходного молали-бустонского времени (М 324). С этим же погребением связано и *надмогильное сооружение*, выполненное в виде каменного наброса поверх земляной насыпи.

Конструкция камер представлена всеми известными типами.

Дно погребальной камеры, в могилах (М 52, М 324) почковидной, или овальной (М 43, М 60) формы. Размеры варьируют в пределах 2-2,7 м², исключением является погребение с парной ингумацией, объем камеры значительно больше и превышает 3,8 м². Все могилы, хотя и расположены в разных частях могильника, находились примерно на одной глубине от современной поверхности (65-85 см.)

Входной проем подпрямоугольной формы, края округлые, в единственном погребении подбойно-катакомбного типа (М 324) имеет ступенчатый выступ. *Размеры входной части* не отличаются от аналогов в других обрядовых группах, а его средняя величина составляет 0,65 м². Исключением является могила со ступенчатым спуском, за счет которого размер входного проема увеличен до 1 м². Во всех могилах вход заложен кирпичным ломом в 1-3 ряда. В двух случа-

ях (М43, М 324) в кирпичную массу добавлены угольки. Кроме того, в погребениях М 52 и М 60 на кладке входа были выявлены остатки костра.

Оформление входного проема по сторонам света разнообразно. Так, в могилах подбойно-катакомбной конструкции вход сооружен с З (М 52) и С (324) стороны, в подбойной (М 43) – с ЮЮЗ, дромос погребения катакомбной конструкции выполнен с СЗ стороны.

В обеих могилах ямного типа камера подпрямоугольной формы, размерами 1,8 м² (М 115) и 2,4 м² (М 184). Длинной осью могилы ориентированы по линии С-Ю (М 115) и З-В (М 184). Глубина залегания камеры относительно современной поверхности также весьма различна. Так, погребение М 115 было обнаружено в 10-30 см., в то время как М 184 находилось под более чем метровой толщиной земли.

Рассмотрим *расположение останков* в камере.

Погребение М 43: представлены 2 варианта ингумации – вторичное и фракционное (кость) захоронение. Возможно, останки принадлежали одному человеку – взрослой женщине, но яркое разделение останков и выделение кисти руки говорит о преднамеренном использовании обряда и вероятно, несущее символическое значение, о котором нам известно не много. Кисть правой (?) руки расположена в скоплении угольков у ЮЗ стены камеры справа от входа. Большая же часть останков – череп, позвонки, ребра, трубчатые кости формируют отдельные скопления костей, расположенные по линии ССВ-ЮЮЗ.

Погребение М 52: также представлено вторичным и фракционным (череп) вариантами захоронения. Вторичная ингумация взрослого человека (половозрастная характеристика не определена) расположена у Ю стены камеры в виде компактно уложенного скопления ребер, лопаток, трубчатых и фрагментов тазовых костей, под которыми выявлены остатки органического коричневого тлена. В СВ части камеры также у стены теменем вверх обнаружен череп ребенка; под ним прослежена охровая подсыпка.

Погребение М 60: в центре камеры на площади 0,09 м² на остатках древесного тлена выявлено скопление кальцинированных костей. Рядом, в вазе с охровой крошкой находились фаланги пальцев руки человека.

Погребение М 115: вторичная ингумация женщины 40-50 лет и кремация. Останки представлены черепом, трубчатыми и тазовыми костями, ребрами, лопатками и позвонками. Череп находился среди костей на правой стороне лицевой частью на Юг. В ЮЗ углу компактно расположены нижняя челюсть, некоторые трубчатые кости фаланги пальцев. У 3 стены, на площади 0,09 м² обнаружено скопление кальцинированных костей.

Погребение М 184: представлено двумя изолированными скоплениями кремированных останков площадью 0,07 и 0,08 м², которые расположены в центральной части камеры.

Погребение М 324: включает останки мужчины 35-45 лет в сильно скорченном положении у Ю стены. Вокруг костяка прослежен коричневый тлен – возможно, остатки от матерчатой оболочки или мешка (?). В противоположной, С части камеры, спиной к входу, находились останки ребенка 8-9 лет с нарушением анатомического порядка в области грудной клетки, а также, перемещением черепа. Под останками прослежена подсыпка из угольков.

Таким образом, единого расположения останков в камере не наблюдается. Исключением служит местоположение кремированных останков в центре камер с незначительными отклонениями.

Напутственная мясная пища выявлена в одной могиле (М 324), где несколько ребер и трубчатая кость барана выявлены в центре камеры между захороненными здесь мужскими и детскими останками.

Сопутствующий инвентарь кроме сосудов, представлен бронзовым шилом (М 52).

Посуда составляет комплекс из 36 археологически целых сосудов и 1 фрагмента средней части сосуда (горшок), которые присутствуют во всех погребениях в количестве от 4 до 9 шт. Она представлена 4 основными типами (рис. 18).

Отметим, что в 3 из 5 могилах бустонского периода были обнаружены вазы – тип сосудов, который на аналогичном этапе в других обрядовых группах использовался крайне редко. Горшки, как самая распространенная форма посуды преобладала и в рассматриваемой группе могил.

Расположение сосудов разнообразно. Так, в погребении М 43, посуда расположена параллельно останкам вторичной ингумации, а в М 184 (парная кремация) 6 сосудов поделены на равные части и положены напротив кремированных останков, занимая ЮЗ и ЮВ углы. В погребении М 115 все сосуды расположены с обеих сторон кремации, что характерно и для одиночных захоронений с трупосожжением. Еще в одной камере (М 52), посуда компактно расположена около черепа ребенка. Исключением, где сосуды находились в разнообразных частях камеры, является захоронение молали-бустонского времени М 324. 4 сосуда, в том числе резервуар вазы и отдельный фрагмент находились в центре камеры, еще 2 сосуда и ножка от вазы – у З стены, 1 ваза – у ног ребенка в В части камеры.

Огонь использовали довольно часто и его проявления в том, или ином виде выявлены во всех рассматриваемых могилах. Выше, при анализе тех или иных особенностей погребального действия, были перечислены все проявления огненной символики, а теперь лишь суммируем полученные данные. Всего, в погребениях рассматриваемой группы, отмечено 4 случая кремирования останков (М 60, М 115, М 184); скопление угольков под кистью руки в камере М 43; наличие остатков костра на кладке входа (М 52, М 60); использование угольков в кирпичной массе (М 43); в качестве подсыпки под останками ребенка (М 324).

Изложенное выше описание могил с парным захоронением останков человека, представляет редкий в использовании, но разнообразный обряд в погребальной практике бустонцев. Наличие в одной могиле ингумации и кремации, как в принципе и само трупосожжение, присуще андроновской культуре (Смышляев А. Ю., 2001. С. 247), влияние которой на последних этапах ощущалось все заметней.

Глава II. Аналитические особенности структуры объектов не погребального назначения Бустон-VI

В погребальной системе некрополя Б-VI выявлен широкий ряд объектов, показывающий, что могильник использовался не только для погребения человека. Большинство всех изученных объектов связано с умиловительными, испкупительными, поминальными и другими ритуалами (рис. 19).

В число объектов не погребального назначения включены также ящики для кремирования, символические могилы, в том числе с набором глиняных поделок и захоронениями животных, каменные выкладки в виде солярно-огненного символа, поминальники, фиктивные могилы и кенотафы (рис. 20).

§ 2.1. Систематизация могил с глиняными поделками.

Как мы могли видеть в предыдущих главах, для ритуала погребения создавался специальный реквизит в виде бронзовых и глиняных votivных изделий. Из глины изготавливались статуэтки, лепные сосуды, ложки-черпаки, конусовидные фишки и алтари круглой или прямоугольной форм. Но, если изготовление металлических votivных изделий обуславливалось кризисом в добыче и производстве бронзы, то употребление в ритуальной практике votivных глиняных изделий напрямую связано с церемониальным действием.

Всего, за время изучения Б VI, глиняные изделия были обнаружены в 45 камерах (рис. 21) как погребального, так и не погребального назначения. Часть этих могил была рассмотрена ранее, так как поделки в том или ином соотношении находились в камерах с погребениями животных (5), совместного захоронения останков человека и животного (3), вариантами ингумации (3) и кремации (2).

В настоящем параграфе обработаны 32 могилы с набором глиняных поделок, которые распространены по площади всего некрополя за исключением СЗ участка, где подобные захоронения отсутствуют.

Хронологически, все могилы с глиняными поделками характеризуют заключительный, бустонский период.

Надмогильные сооружения выявлены по остаткам костров и кострищ, в виде *земляной насыпи*, что составляет 12,5% от общего количества рассматриваемых объектов. Сооруженная, вероятно, из выкидной земли могильной камеры, насыпь присутствует в 4 могилах ямного типа (М 40, М 45, М 63, М 80).

К надмогильным сооружениям отнесем также обнаруженные на уровне древней поверхности кирпичи, прослеженные над погребениями подбойной (М 99) и ямной (М 282) конструкции, оставленные в качестве обозначения места нахождения могилы.

Кострища или остатки костра прослежены в погребениях ямной (5), подбойной (1) и подбойно-катакомбной (2) конструкции. Было уже отмечено, что в 4 случаях остатки костра или кострищ прослежены в насыпи. Кроме того, они зафиксированы над камерой (М 58, М 168) или входом (М 49, М 64) на уровне древней поверхности.

Остатки посвященных и поминальных приношений выявлены только в 1 случае – могиле ямного типа М 282. Подношение находилось на уровне древней поверхности на кирпичях, установленные в качестве обозначения места с ЮЗ угла камеры. Сосуд был накрыт камнем, видимо для предотвращения растаскивания находящейся в нем пищи животными и птицами.

Конструкция камер представлена 3 вариантами; наибольшее количество – 18 – выполнены в виде грунтовой *ямы*, как правило, небольших размеров (0,8-2 м²). *Форма камер* представлена округлой / овальной (8) и подпрямоугольной (9) вариантами; выделяется по форме могила М 81, имеющая сильно вытянутую, яйцевидную форму. Длинной стороной камеры ориентированы по линиям С-Ю (6), З-В (5). Все погребения ямной конструкции определены бустонским периодом.

Могилы, конструкция которых предполагает наличие входного проема представлены *подбойной* (9) и *подбойно-катакомбной* (5) конструкциями. *Вход* выполнен в виде подпрямоугольной шахты, в 2 могилах подбойной и 4 подбойно-катакомбных вход ступенчатый, причем приступка находится как до заклад-

ки камеры кирпичом (возможно, было деревянное перекрытие) (М 49, М 82, М 111), так и внутри камеры, где ступень служит своеобразной нишей (М 67, М 168, М 239). Все погребения со ступенчатым входом определены бустонским периодом. Размер входного проема в могилах подбойного типа (0,2-0,4 м²), меньше относительно входной части камер подбойно-катакомбной конструкции (0,4-0,8 м²). Во всех погребениях вход закрыт кирпичами или кирпичным ломом, в 3 случаях (М 49, М 188, М 278) в кладке входа использовался камень. В 2 могилах (М 67, М 372) в кирпичную массу добавлены мелкая галька и угольки. Оформление входа по сторонам света не имеет четкой ориентировки. В камере М 64 вход в неглубокую камеру имеет плавный спуск. Что касается *формы* непосредственно *камер*, то они выполнены в виде округлой/овальной или почковидной ямы по размерам (0,7-2 м²) сопоставимые с могилами ямного типа. Глубина могилы относительно входного проема не устойчива и варьируется от 10-15 см. (М 49, М 82, М 315), до 70-80 см. (М 278, М 372).

Глиняные поделки представлены стандартным комплектом необожженных глиняных изделий – антропоморфная статуэтка, зооморфная фигурка головы домашнего животного, круглые алтари с древесными уголками, конусовидные «фишки-жетоны», лепная посуда (сосуд, ковш-черпак, ложка). Все предметы были изготовлены ручной лепкой и не подвергались обжигу, что может свидетельствовать об их разовом использовании.

Наибольшее количество находок составляет *антропоморфная скульптура*, обнаруженная в 75 % (24 могилы) всего количества символических погребений с глиняными поделками. Она различается стилистическим оформлением и целостностью, так как из 35 обнаруженных статуэток, 9 были преднамеренно разбиты.

Выполненные с разной степенью проработанности антропоморфных черт, некоторые фигурки были украшены различными изделиями из камня и бронзы. Так, видимо на правом ухе статуэтки в могиле М 48 висела найденная рядом, бронзовая кольцевидная подвеска с пересекающимися концами. В М 160 на одной из статуэток находился пояс из бронзовых и лазуритовых бус. Торс также

украшался и с помощью инкрустации пупочной ямы каменной или бронзовой бусиной (М 82, М 111).

Пол акцентирован в четырех случаях: три статуэтки имели мужские признаки (М 143, М 239, М 382), еще одна (М 82) – синкретический образ "великой матери земли" с гипертрофированно моделированным детородным лоном (Аванесова, 2005. С. 153).

В захоронении М 106 обнаружен глиняный брусок, сопоставимый с размерами скульптур; возможно, заготовка для будущей антропоморфной фигурки.

Часть статуэток имеет форму молящегося человека, что характеризуется обращенной вверх лицевой частью, сложенными у груди руками (М 48, М 58, М 64, М 82, М 99, М 143, М 160, М 176, М 239, М 315 М 382). Количество подобных фигур составляет около 1/3 от общего числа обнаруженных антропоморфных скульптур.

Все фигурки представлены в двух основных позах – сидя (21) и стоя (14). Часть из них передает черты лица (11 эк.), другая выполнена в виде безликих антропоморфных форм (17 экз.). У 7 из 9 преднамеренно разбитых статуэток была отбита голова. В камере, скульптуры представлены в одном или двух экземплярах и соотношение могил с подобным количеством примерно одинаково (рис. 22). Во всех погребениях, где обнаружено парное количество статуэток, последние находились вместе и ориентированы по одной линии. Исключением можно назвать могилу М 64, где части преднамеренно разбитой фигурки находилась в противоположных частях камеры.

В четырех погребениях на одной или с двух сторон торса небрежно прочерчены параллельные линии – символ воды, (Аванесова, 2004. С. 19-20). Фигурки изображены как в положении сидя (М 143, М 382), так и стоя (М 67, М 372). Отметим, что в камере М 67 обнаружено 2 подобные фигурки были преднамеренно разбиты.

Ориентировка статуэток по сторонам света строгой направленности не имеет. С небольшим преобладанием наблюдается Северная (6) и Северо-Восточная линии (5). Также присутствует ориентировка на Запад (4), Юг (3), Восток (2) и по другим сторонам.

Зооморфные фигурки представлены находящиеся внутри могильных камер двумя находками – головами быка и осла (?). Головка быка находилась внутри ямного погребения М 80 и положена у нижней части двух статуэток. В могиле подбойно-катакомбной конструкции М 111, в центре камеры расчищена головка осла (?). Отметим аналогичную находку зооморфной фигурки в могильнике Джаркутан 4В на глубине 70 см. над восточным бортиком погребения 70 (Ионесов, 1988. С. 11-12). Они выполнены в одинаковой манере, схожи по размерам и технике проработки внешних физиологических признаков.

Алтари круглой кольцевой или дисковидной формы также широко представлены в рассматриваемой группе и выявлены в 27 погребениях (84 %) Символизм огненного проявления демонстрируют обнаруженные в них древесные угольки или пепел. Алтари находились в могилах по одному экземпляру, за исключением М 40, где они представлены двумя не стандартными глиняными изделиями – дисковидным кругом с углублением в центральной части и алтарь-очаг в виде птицы, которая в древнеиндийской культуре представляет образ космической птицы, олицетворяющая солнце и огонь (Аванесова, 2005. С. 160-163).

"Фишки-жетоны" треугольно-конусовидной формы выявлены в 20 могилах (62 %). Во всех погребениях с "фишками" также присутствовал и вотивный алтарь, что может говорить об их взаимодействии в ритуальной практике. В 17 случаях их количество равнялось трем, что, по мнению основного исследователя некрополя, Аванесовой Н. А. символично реализует идею триединства Космоса, представления о трех вертикальных мирах Вселенной, три формы ведического очищения (Аванесова, 2004. С. 23; Аванесова, 2005 С. 166). В трех могилах обнаружены две (М 58, М 168) или одна (М 85) "фишки", но нам представляется, что это может быть издержками недостаточно тщательного исследования дна камеры или иных факторов, повлиявших на нахождение комплекта, состоящий из трех "жетонов".

Лепная вотивная посуда представлена несколькими видами: в виде небольших по объему вытянутых чаш с закругленной донной частью и расширенным устьем (М 45, М 48 и др.); уплощенные неглубокие сосуды с сильно усеченной

округлой донной частью и широким устьем (М 80, М 372); горшковидные сосуды трапецевидной или подбиконической формы с широким плоским дном (М 188, М 232 и др.); биконическая миниатюрная банка (М 382). Всего обнаружен 22 votivный сосуд, также положенные в одном экземпляре.

Вместе с сосудом в 13 могилах обнаружена *ложка-черпак*, видимо также сочетавшиеся друг с другом предметы, связанные одним символическим предназначением. Во всех могилах они расположены в непосредственной близости, что также свидетельствует об их едином предназначении. Еще в одном погребении (М 291) ложка обнаружена в комплекте с votивным алтарем.

Описанные глиняные изделия, за исключением антропоморфной скульптуры находились в одном, локализованном месте. В 17 могилах (63 %) они располагались в центральной части камеры. Также монофункциональные предметы были обнаружены у входа (4) или у стены (5). Исключением являются расположение поделок в двух погребениях ямного типа, они находились изолированно друг от друга в разных частях камеры.

Рассмотрим отдельно семь погребений, в которых был обнаружен полный комплект монофункциональных глиняных поделок. В него мы включаем обязательное наличие антропоморфной фигурки (целой или разбитой), votивного алтаря с "фишками", votивный лепной сосуд и "ложку-черпак". Это могилы ямной (М 48, М 58), подбойной (М 239, М 372) и подбойно-катакомбной (М 67, М 82, М 111) конструкции. Здесь статуэтки расположены отдельно, с правой стороны от других монофункциональных поделок. Исключением является М 67, где две разбитые скульптуры зафиксированы без какого-либо упорядочивания вместе с другими глиняными изделиями, фрагментами разбитой посуды и обожженными костями животных. Количество посуды в могилах варьирует в пределах 4-5 шт.

В трех погребальных камерах поделки расположены в центре на подсыпке из угольков (М 67) или охры (М 48, М 111), еще в одной – М 82 в качестве подстилки, видимо, использована кошма, камыш и т.п. В камерах подбойно-катакомбной конструкции наблюдается прослойка из угольков, которыми засыпана вся поверхность над погребением М 82, и входной проем в могилы М 67,

М 111. Размеры камер в целом близки по своим размерам (1,2-2м²), но иных общих особенностей в конструкции камеры и ее ориентировки не выявлено.

Напутственная мясная пища выявлена 69 % (22 погребения). В основном она представлена регламентированными кусками – передняя или задняя ножка (трубчатые кости), грудинка (ребра), лопатка (рис. 23). Как и в ранее рассмотренных погребениях большая часть костных остатков составляла части туш овец. Однако, в рассматриваемой группе выявлены задняя ножка джейрана (М 80), фрагменты трубчатых костей семейства лошадиных (М 143), плечевая и локтевая кости зайца-толая (М 190), фрагменты костей каракульской овцы (М 49).

В четырех камерах ямной и одной подбойной конструкции кости животных (ребра, лопатки, трубчатые кости) зафиксированы в мисках. Кроме того, в шести могилах под остатками мясной пищи прослежены остатки органического тлена – вероятно, остатки посуды из растительного материала.

Остатки мясной пищи находились в конкретной части камеры, как правило, в центре (13) или у стены (7). В 5 погребениях кости животных обнаружены в мисках. Кроме того, в 4 могилах под костями животных выявлены остатки органического тлена – возможно, посуда из дерева или другой органики. В камере М 82 остатки мясной пищи (лопатка, ребра) были засвидетельствованы на подстилке вместе с набором глиняных поделок. Отметим также обожженные кости (лопатка, ребра, трубчатые кости) овцы с фрагментами битой посуды, преднамеренно разбитых антропоморфных фигур и другими поделками, находящиеся на угольной подсыпки в центре камеры М 67.

Инвентарь представлен незначительным количеством каменных и бронзовых украшений (М 48, М 160, М 191), вероятно, украшавших статуэтки, вотивными жезлами в виде двупалых (М 143) или трехпалых (М 67, М 168) ветвей, однолезвийными ножами (2) и вотивными ножевидными пластинами (6) и другими единичными находками.

Обоснованным нам видится предположение, что обнаруженные бронзовые *вотивные жезлы* своим смысловым кодом сочетаются с находящимися рядом статуэтками (Аванесова, 2004. С. 19; 2005, С. 151). и располагающиеся у их го-

ловы. Необходимо отметить, что трехпалые жезлы найдены в могилах подбойно-катакомбной конструкции, где помимо двух антропоморфных фигурок находился полный комплект монофункциональных поделок, в то время, как двухконечный жезл найден в погребении ямного типа с одной статуэткой. В другом погребении ямной конструкции (М 160) выявлен небольшой рог, который располагался у нижних частей двух антропоморфных фигурок.

Ножи также демонстрируют символизм в погребениях, что обуславливается их наличием рядом с определенными кусками мясной пищи (грудинка, задняя ножка, лопатка овцы). Они выявлены на дне 6 могильных камер (М 80, М 106, М 168, М 176, М 198, М 282) и во входной части до закладки ее кирпичами (М 191). В двух погребениях ямного типа (М 282, М 382) рядом с головой статуэток были расчищены небольшие металлические пластинки. Уникальной в своем роде является находка небольшой гальки с бессистемно нанесенными на ее поверхность параллельными насечками, которая обнаружена рядом с сосудом в погребении М 239.

Посуда обнаружена во всех погребениях и составляет наибольшее в количественном соотношении инвентарный комплекс находок. Лишь в одной камере посуда представлена фрагментами трех сосудов. В погребениях встречается от 1 до 9 сосудов. Среднее количество составляет около 4,4 сосуда на одну могилу. Отметим, что в более чем 80 % всех камер количество посуды варьирует в пределах 3-5 шт. Исключением являются четыре погребения (М 106, М 168, М 188, М 282) где количество сосудов от 7 до 9 экземпляров, а также М 85, где обнаружен лишь 1 миниатюрный сосуд.

Типологический состав посуды в целом характерен для бустонского периода (рис. 24). Как и в погребениях других обрядовых групп, здесь преобладает горшковидная форма сосуда и не значительно количество ваз, половина которых представлена только резервуаром (М 48, М 176).

Месторасположение сосудов в камере распределено равномерно, их количество примерно одинаково как в центре камеры, так и по периферии. Сосуды в 12 погребениях стоят компактно, занимая отдельную определенную часть в камере, еще в шести расположены в ряд в центральной части или вдоль стены (1).

Какой либо явной концентрации сосудов в отдельных участках камеры не прослеживается.

В 11 погребениях *со следами охровой окраски* были обнаружены по одному сосуду (10 горшков и 1 ваза). Характерно, что следы лощения прослежены на всех горшках, на вазе они не выявлены.

Охра в обряде также использована в качестве подсыпки по дну камеры (М 160, М168) или в центре под инвентарем (М 48, М 111). Кроме того охра выявлена внутри сосуда (миска) в могиле М 82.

Меловая крошка прослежена в качестве подсыпки под антропоморфными статуэтками в пяти могилах. Это три погребения ямного (М 58, М 80, М 143) и два подбойно-катакомбного (М 111, М 168) типа. Статуэтки ориентированы по линиям С-Ю – В-З. Исключением является ориентировка скульптур на Запад в камере М 168.

Использование *камня* также присутствует в рассматриваемой группе погребений. В 7 случаях он обнаружен в сосуде, причем 6 из них, это могилы подбойного (М 99, М 188, М 239, М 372) и подбойно-катакомбного (М 111, М 168) типа. Рваный камень выявлен на дне двух могильных камер (М 49, М 282). Кроме того, выше рассмотрено использование камня в закладке входного проема и в качестве примеси при формовке кирпичной массы.

Огонь присутствует в самых разнообразных сторонах ритуального действия. Мы уже упоминали о наличии остатков костра и кострищ в насыпи, угольной прослойки над тремя погребениями подбойно-катакомбной конструкции и добавлении продуктов горения при изготовлении формовочных кирпичей, использованных для закладки камер. Угольки зафиксированы в качестве подсыпки (М 67), изолированно на дне камеры (М 40, М 63, М 372), во входном проеме (М 64). Отметим погребение М 315, где угольками был засыпан, находящийся около входа фрагмент лепной керамики. Кроме того, угольки находились в вотивных алтарях, обнаруженные в 27 могилах. Таким образом, огонь в том, или ином проявлении зафиксирован в 28 из 32 рассматриваемых погребений, что составляет 87,5 %.

Рассматриваемая группа могил представляет неординарный обряд символического захоронения набора глиняных поделок и антропоморфных фигурок, не характерных для других памятников СК. Подобные изделия выявлены только в камерах бустонского времени, что еще раз демонстрирует неожиданность их появления. По конструкции камер и традиционному для культуры инвентарю, данные могилы не отличаются от погребений других обрядовых групп.

§ 2.2. Нестандартные погребения символического назначения

К числу символических, нами отнесены 9 погребальных камер, которые по своему содержанию можно разделить на следующие составляющие:

- 1) могилы с астадонами;
- 2) могилы с монофункциональными сосудами;
- 3) могилы с глиняными изделиями не понятного предназначения;
- 4) погребение с игральными костями (альчики).

Именно по этим признакам будет проведен анализ и характеристика данных могил.

Камеры с астадонами представлены четырьмя могилами молалинского времени ямной (М 26, М 178) и подбойно-катакомбной (М 330, М 415) конструкции. Подобного рода культовая атрибутика начинает применяться с молалинской стадии (Ионесов. 1990в. С. 110)

Надмогильные сооружения не прослежены. Глубина от входного проема, размеры камер и входа в могилах подбойно-катакомбного типа одного размера (1,5 м² x 0,5 м² x 0,5 м.). Вход в обоих погребениях оформлен с Западной стороны и заложен кирпичной кладкой в 2-4 ряда.

Могилы ямного типа отличаются как по своим размерам, так и по форме. Наибольшая среди них – камера округло-вытянутой формы М 178, размеры которой приближены к 3 м². Погребение М 26 неправильной подквадратной формы значительно меньше по размеру (1,4 м²). Глубина могил от современной поверхности в обоих случаях равна 90-120 см.

Напутственная мясная пища зафиксирована во всех четырех погребениях и представлена остатками задней ножки барана (М 178, М 415), а также набором кусков мяса грудинки, передней или задней ножки и части (хвостовых?) позвонков (М 26, М 330). Часть мясного подношения зафиксирована в сосудах. Так, в М 330 все остатки костей жертвенного мяса находилась в вазах в С части камеры. В могиле М 26 трубчатая кость также зафиксирована в миске.

Инвентарь составляет основную компоненту в определении рассматриваемых группы как символических могил. В первую очередь, это относится к обнаруженным здесь астадонам и другим артефактам, находящимся, как внутри сосуда, так и в камере.

Астадоны не являются посудой в широком понимании. Они создавались как вместилище для передачи жертвенных даров для представителей потустороннего мира (Аванесова, 2000. С. 121). Типологически они представлены баночно-цилиндрической формой с прямыми отвесными или конусовидными стенками и съемной конической крышкой с отверстием в центре. Отметим, что в погребениях подбойно-катакомбной конструкции астадоны изготовлены при помощи гончарного круга, в то время как в могилах ямного типа он лепные. При этом астадон с погребения М 178 был подправлен на гончарном круге, о чем говорят следы на внутренних стенках сосуда. Другой отличительной особенностью является их форма. Лепные сосуды имеют подквадратную форму стенок, а выполненные на гончарном круге – трапецевидную.

Видимо, в качестве подношений, внутри рассматриваемых сосудов находились разнообразные предметы: пряслице (М 178); 2 кремневых листовидных наконечника стрел с черешковидным основанием и глиняное биконическое пряслице (М 415); два колеса, на одно из которых в качестве упрощенной траکتовки нанесены изображения реальных деталей (обод, спицы), две небольшие гофрированные пластинки и кусочек горного хрусталя (М 330). В этом же погребении в категорию особых даров, вероятно, необходимо отнести 2 наконечника стрел (аналогичные наконечникам с М 415), которые найдены в небольшой лунке с охрой.

Из *других находок* отметим вотивные однолезвийные (М 330, М 415) и двулезвийный нож с упором (М 26), которые расположены около остатков жертвенной мясной пищи. Металлические фрагменты расчищены на дне камеры М 178. В могилах М 26, М 415 обнаружены по две каплевидные лазуритовые подвески. В последней также присутствовали 2 сердоликовые бусины.

Посуда присутствует во всех погребениях в количестве 8-9 сосудов и расположена в своем большинстве в центре камеры. Исключение составляет местоположение сосудов в М 330. Здесь, разделенная на 2 части, посуда занимает место у С и Ю стенок. Типология сосудов в погребениях представлена стандартным набором 4 основных видов, не отличается от посуды других обрядовых групп (рис. 25).

Отметим, что в М 26, у двух ваз была отбита ножка и сосуд, вероятно, использовался как миска. В погребении М 178 помимо целой посуды был обнаружен обломок донной части сосуда, но идентифицировать его принадлежность не представляется возможным.

Два горшка в могиле М 415 были окрашены охрой, на стенках прослеживаются следы лощения. На другой посуде следы окрашивания не выявлены.

Использование **охры** прослежено в могилах подбойно-катакомбной конструкции в качестве подсыпки под скоплениями керамического инвентаря и в лунке с наконечниками стрел (М 330). Кроме того, астадон в погребении М 26 сохранил следы охровой окраски; последняя также находилась в символических сосудах (М 178, М 330, М 415).

Угольки выявлены в 1 случае – в качестве подсыпки под находящейся в погребении посудой.

Другая группа, характеризующаяся наличием символических монофункциональных сосудов представлена двумя могилами: М 147 – молалинского периода, М 175 – бустонского.

Надмогильное сооружение прослежено в виде земляной насыпи по *остаткам костра*, находящиеся на глубине около 1 метра от современной поверхности.

Конструкция в обеих могилах подбойного типа, однако в М 147 входная часть выполнена в виде плавно спускающейся ко дна поверхностью, в следствии чего глубина самой камеры составляет не более 10 см. Размеры камер не одинаковы; более ранняя могила М 147 менее 1 м², в то время как объем погребения бустонского времени составляет 2 м². Оба погребения имеют одинаковую почковидную форму камеры и фактически одинаковые размеры входного проема (0,4-0,5 м²), который заложен кирпичным ломом.

Остатки мясной пищи присутствуют в обеих могилах в виде частей барана (задняя ножка, части грудинки, хвостовых и грудных позвонков). В погребении М 147 задняя ножка барана, под которой прослежен древесный тлен, находилась у В стены, а хвостовые позвонки у входа рядом со скоплением вотивных бронзовых изделий. В другом захоронении различные кости животных находились в нескольких частях камеры рядом с монофункциональными сосудами.

Из **сопутствующего инвентаря** в первую очередь необходимо отметить набор *монофункциональных сосудов* из необожженной глины цилиндрической и подцилиндрической формы с конической съёмной крышкой. На тулове трех из них имелись по 2 пары небольших отверстий. Внутри 5 из 6 сосудов в количестве 4 экземпляров находились микрососуды в виде банки, кувшина или чаш. В обеих могилах сосуды были открыты, а крышка находилась рядом.

В могиле М 147, в лунке с охрой обнаружены два кремневых наконечника стрелы с черешковым основанием. Кроме того, в каждом погребении рядом с костными остатками жертвенной пищи находились бронзовые ножи и металлические фрагменты.

Посуда представлена горшечной (7) формой, четырьмя вазами на низкой массивной ножке и одной миской. В могиле молалинского периода количество сосудов (3) значительно меньше, чем в погребении бустонского времени (9). Следов окрашивания на посуде не выявлено.

Охра, помимо упомянутого присутствия в лунке с наконечниками стрел (М 147), прослежена в виде окраса на некоторых вотивных астадонах, а также использована в качестве подсыпки под монофункциональными сосудами (М 175).

Две камеры (М 103, М 130) размерами 0,4-0,9 м² составляют 3 группу рассматриваемых могил. Здесь выявлены неопределенного предназначения глиняные изделия. В М 103 глиняная поделка представляет своего рода невысокий сосуд с сдвоенным резервуаром и одной линией дна. В погребении М 130 обнаружены два глиняных изделия ковшевидной формы с выделенной частью (возможно ручка).

В могилах, помимо указанных поделок, другого инвентаря, характеризующий хронологическую принадлежность не обнаружено. Использование охры, огня и других обрядовых действий не прослежено.

Интересна могила М 47, где захоронены 23 игральные кости (альчики барана), часть из которых были со следами огня. Размеры примерно равны ранее рассмотренным могилам (0,6м²), но необходимо отметить глубину залегания камеры, дно которой зафиксировано на глубине более 2 метров.

Таким образом, помимо могил со стандартным набором глиняных поделок, в некрополе выявлены и другие погребения символического назначения, которые имели свой инвентарный комплекс (астадоны, монофункциональные сосуды и микрососуды, каменные наконечники стрел). В них прослеживается последовательность в отправлении ритуального культа, представлений и способе «общения» и «обращения» и «Высшими силами», о чем говорят подношения даров в «астадонах» и регламентированные куски мясной пищи во всех погребениях с культовой посудой.

§ 2.3. Погребения, сопутствующие отправлению культовых мероприятий

В системе некрополя довольно часто встречаются могилы без останков человека или животного. Они не несут особого символического послания, как это происходит в захоронениях монофункциональных глиняных поделок или культовых сосудов. Такие погребения мы разделили на 2 части: фиктивные и кенотафы. Кроме того, по площади всего памятника находились поминальнички, грунтовые алтарные ямы и кострища.

Рассмотрим каждую группу в отдельности.

Фиктивные могилы

Фиктивные захоронения характеризуются теми же типами погребальной камеры, что и могилы других обрядовых групп. Здесь также присутствует набор стандартных форм керамической посуды и другого сопутствующего инвентаря (ножи, пряслица). Эта могила как бы двойник погребения человека, главное отличие которой – отсутствие останков самого усопшего.

На территории некрополя обнаружено 36 подобных могилы двух заключительных периодов СК, которые составляют 16 % от могил не погребального назначения. *Хронологически* 26 погребений (72 %) – бустонского времени, 9 могил (25 %) характеризуют период молали, еще одна не определена из-за отсутствия в ней инвентаря.

Надмогильные сооружения не выявлены. Возможно, в погребении М 133 имел место настил, состоящий из кирпичного лома, остатки которого выявлены на дне в СЗ части камеры (М 133). Здесь же с Северной стороны камеры обнаружен кирпич, оставленный, видимо, в качестве обозначения места могилы, на котором, вероятно, в качестве посвячительных или поминальных приношений зафиксированы обломки посуды и остатки мясной пищи.

Остатки костра зафиксированы в двух случаях на кирпичной кладке (М 38, М 61) и во входе М 55, где входной проем закрыт не был. Все погребения характеризуют заключительное, бустонское время.

Тризна – одна из составляющих частей после погребального действия выявлена в 10 могилах (28 %), из которых лишь одна (М 179) молалинского периода. Мясная пища в виде остатков трубчатых костей барана присутствует в двух погребениях – на фрагментах битой посуды (М 133) и за кирпичной кладкой (М 179). В погребениях бустонского времени в остатках поминальной пищи найдена и разнообразная посуда, представленная 1-3 сосудами, в том числе и преднамеренно разбитыми (М 55, М 133, М 363).

Конструкция погребальных камер представлена всеми 4 типами, однако заметно преобладание подбойного устройства. Отметим возможную связь между типом погребальной камеры и временем ее создания (табл. 6). Так, все моги-

лы подбойно-катакомбной конструкции характеризуют молалинское время, а 89 % камер подбойного устройства сооружены в бустонский период.

табл. 6 Соотношение конструкции камер с учетом этапа			
	М	Б	Не определено
яма	0	4	0
подбойная	2	2	0
подбойно-катакомбная	5	0	0
катакомбная	2	20	1

Погребальные камеры оформлены в виде округлой (20) или почковидной (15) ямы. Исключением является М 243, имеющая подпрямоугольную форму. Размеры фиктивных могил разнообразны и варьируют в пределах от 0,6 м² (80x70 см.) до 2,4 м² (180x130 см.). Средний размер составляет 1-1,2 м², что соответствует габаритам большинства могил всех 4 типов погребений.

В камерах, конструкция предполагает наличие входного проема, последний сооружен с различных сторон света, однако более половины (56%) всех могил имели Западную ориентацию с отклонениями в обе стороны. В 19 погребениях (82 %) вход заложен формовочным кирпичом или кирпичным ломом, в двух случаях (М 6, М 158) в тесто добавлена угольно-зольная примесь. В двух могилах (М 135, М 334) входной проем закрывала каменная выкладка из речного валуна и рванного камня, еще в двух (М 21, М 55) закладки не выявлено. Величина входного пространства варьировала в пределах 0,2-0,8 м² и напрямую зависит от размеров самой погребальной камеры.

Напутственная мясная пища обнаружена в 23 погребениях, что составляет около 64 % от их общего количества. Остатки костей животных представлены регламентированными кусками грудинки, задней или передней ножкой барана, лопатка, реже встречаются спинные и хвостовые позвонки. В 13 погребениях мясная пища была обнаружена в сосудах различного типа: миска (9), ваза (4), банка (1). При этом, в мисках кости животных находились в камерах бустонского периода, а в вазах, за исключением М 114 – на молалинском этапе. Отметим, что в могилах ямной и катакомбной конструкции остатки костей жи-

вотных присутствуют во всех погребениях, в камерах подбойного типа лишь в 11 (48 %).

Местоположение остатков мясной пищи характеризуется двумя основными позициями: в центре камеры или у стены. При этом в 64 % могил подбойного типа они располагались в центре, а в 75 % ямных и катакомбных камерах – у стены. У входного проема остатки жертвенного мяса найдены в двух погребениях, где они находились в сосудах (М 61 – миска, М 114 – ваза). Отметим могилу молалинского времени М 288, где лопатка, ребра, позвонки и фрагменты трубчатых костей разрозненны в Южной части камеры. Также остатки половины туши барана выявлены под кирпичной кладкой в М 61.

Инвентарный комплекс весьма не многочислен и обнаружен в 14 могилах (39 %). Его основу составляют ножи (М 100), votивные ножевидные пластины и их фрагменты, а также металлические предметы неопределенного назначения (М 114). Единичными являются находки глиняных биконических пряслиц, votивных зеркал с удлиненной вытянутой ручкой, бочонковидная агатовая бусина (М 363) и керамическое колесо, расчищенное под миской в могиле молалинского времени М 228, с нанесением упрощенного изображения реальных деталей колеса – спицы, обод.

Ножи и ножевидные пластины, выявленные в 8 случаях, найдены как в могилах молалинского (М 6, М 22, М 179, М 281), так и бустонского (М 100, М 135, М 326А, М 363) времени. Они находились рядом с остатками мясной пищи или близ расположенных в камере сосудов (М 100, М 281), где костей животных обнаружено не было.

Из *других находок* отметим два votивных зеркала, которые найдены в могилах молалинского (М 21, М 228) и биконические пряслица – из камер бустонского периода. Последние, в могилах подбойной конструкции находились в сосудах – миска (М 38) и горшок (М 334), а в погребении ямного типа в скоплении охровой крошки (М 133). Редкой является находка кожаного сосуда (не сохранился), который находился у ЮЗ стены. Среди его остатков зафиксирована охра, которая возможно, находилась внутри сосуда.

Посуда представлена характерными для памятника типами с преобладанием горшечной формы на бустонском этапе и ваз на молалинском (рис. 26).

Местоположение сосудов в камере не имеет определенной локализации. Они расположены компактно в центре камеры (39 %) или стоят вдоль стен (11 %), распределены по разным частям могильного пространства (22 %), вытянуты по линии у входа (14 %) или в центре (14 %).

Следы *окраски посуды охрой* прослежены в 11 могилах (30 %) бустонского времени на 15 сосудах (менее 10 % от общего количества археологически целых сосудов). Более 73 % всей целой покрашенной посуды составляют горшки (11), окрашены также 2 вазы, кувшин и хумча. Охра в чистом виде была нанесена на хумчу (М 243) и небольшую вазу (М 135). На всей остальной посуде прослежены следы лощения.

В рассматриваемой группе могил использование *огня* зафиксировано незначительное количество. Это остатки костров над тремя погребениями (М 38, М 61, М 100), упомянутое выше добавление угольков в кирпичную массу (М 6, М 133, М 158), а также в качестве подсыпки (М 22) и вместе с остатками органического тлена в центре камеры М 238.

Таким образом, создание фиктивных могил было распространенным явлением и имела свои особенности. Конструкции и формы погребальных камер, хотя и имели общие признаки, были в среднем на 10-20 % меньших размеров, по сравнению с другими захоронениями. Их содержимое (инвентарь, остатки мясной пищи) соответствует находкам из могил погребального назначения. В обряде также использовалась охра, огненная символика (но в значительно меньших объемах) и камень в создании отдельных конструктивных деталей.

Кенотафы

В структуре некрополя обнаружено 24 могилы, в которых отсутствовало захоронение, какой-либо сопутствующий инвентарь, напутственная мясная пища, т.е. погребение было абсолютно пустое, а потому и названо «кенотафным» (с греч. kenos – пустой, taphos – могила). Среди не погребального назначения, по-

добные могилы составляют около 11 % и распространены по территории всего памятника.

Хронологическую принадлежность 19 могил (79 %) определить не удалось. В 5 случаях по остаткам тризны камеры определены молалинским (М 144, М 328, М 406) и бустонским (М 197, М 361) временем.

Посвятительные и поминальные приношения обнаружены в четырех кенотафах подбойной конструкции и в одном ямного типа. Это, находившаяся у входа в камеру, на кирпичной кладке или над камерой посуда, представленная 1-2 сосудами различных форм. Остатков мясной пищи выявлено не было.

Надмогильные сооружения в рассматриваемой группе не выявлены. В одном погребении (М 101), в 50-55 см. от современной поверхности, обнаружены 2 крупных речных валуна, положенные поверх камеры.

Конструкция камер кенотафных могил представлена 3 типами: яма (7), подбойная (13) и подбойно-катакомбная (4). *Ямные погребения* имеют округлую (М 101, М 150А, М 313, М 406) и подпрямоугольную форму с закруглыми краями, ориентированные по осевой линии СЗ-ЮВ (М 93), С-Ю (М 95, М 167В). С Северной стороны М 406, видимо, в качестве обозначения места погребения, расположен кирпич. *Размеры* ям кенотафов подпрямоугольной формы (1,8 м²) в среднем на 60 % больше, по сравнению могилами округлого типа (1,1 м²).

Погребальные камеры подбойных и подбойно-катакомбных могил имеют близкие размеры и формы. 82 % оформлены в виде ямы округлых форм. Исключение составляет почковидная (М 92, М 152) и подквадратная (М 197) форма камер. Средние *размеры* составляют 1,3-1,5 м², но при этом некоторые могилы достигают 2,5 м² (М 345) или напротив, имеют небольшие объемы – 0,5-0,6 м² (М 361, М 224).

Входной проем подпрямоугольной входом, оформленный с различных сторон света (рис. 27). Его средние размеры, как в могилах подбойной, так и входят в рамки 0,4-0,7 м². В могиле М 224 вход имеет ступенчатый выступ.

Закладка происходила с помощью формовочного кирпича или кирпичного лома в 1-2 ряда, в двух могилах подбойно-катакомбной конструкции в кирпичную массу добавлена примесь угольков и мелкой гальки (М 152, М 209).

Инвентарный комплекс представлен тремя фрагментами вотивных однолезвийных ножей (М 144), 6 целыми и фрагментами 2 сосудов. Посуда представлена мисками (М 361, М 406), банками (М 197, М 328), горшками (М 144 (фрагмент), М 197 (разбит), М 361). Весь инвентарь находился вне могильного пространства и был использован в качестве посвячительных постпогребальных приношений.

В 54 % кенотафах выявлена **подсыпка** из охровой (12) или меловой (1) крошки. Она встречается во всех типах камер как на молалинском, так и на бустонском этапе. В других аспектах обрядовой деятельности мел и охра не использованы.

Использование камня в рассматриваемой *группе* встречается крайне редко. Помимо упомянутого добавления мелкой гальки в кирпичную массу (М 152, М 209) и нахождения валунов над могилой (М 101), камень также встречен вместе с кирпичной кладкой во входном проеме, а также в качестве самостоятельного материала в закладке входа М 144.

Огненная символика проявляется в виде остатков костра над кирпичной кладкой входа (М 94, М 152) и кострища над камерой М 144. Угольки также прослежены во входном проеме вместе с банкой и фрагментами горшка (М 197), а также в вазе (М 144).

Таким образом, практика создания пустых захоронений происходила на обоих заключительных этапах СК, о чем говорит немногочисленный сопутствующий инвентарь, обнаруженный в поминальных приношениях. Могилы не имели определенного размера и варьировались от 0,6 до 2,5 м².

Поминальники

К объектам не погребального назначения относятся и большое количество поминальных приношений. Церемония их создания происходила, видимо, после погребения по истечении некоторого времени и являлась своеобразным продолжением погребального обряда, направленная, как в память об усопшем, так и как умиловительные, искупительные, и другие ритуальные действия, посвящаемые «Высшим силам». Помины выявлены как по одному, так и целыми

комплексами (М 248-250, М 277А-277Б, М 379-381). Их характерной особенностью является размещение на разных плоскостях в специально подготовленной яме, в небольшой углублении или на уровне древней поверхности принесенных в качестве даров съестных и вещественных подношений.

Всего, подобного рода поминальнички составляют около 30 % от общего количества объектов не погребального назначения. *Хронологически* большинство поминов представляют бустонский период, однако использование их в обрядовой практике распространено и в молалинское время (рис. 28). Важно отметить, что 90 % поминов периода молали расположены в З и СЗ части некрополя, в то время как поминальнички бустонского времени отмечены повсеместно.

Надмогильные сооружения прослежены над 4 камерами в виде земляной насыпи. Она обнаружена по остаткам костра (М 29, М 277 А), кострища (М 177) и обломкам преднамеренно разбитой посуды (М 119) – видимо, остатки поминальной трапезы.

К надмогильным сооружениям отнесем также обнаруженные на уровне древней поверхности кирпичи, поставленные в 1-3 ряда и являвшиеся видимым условным обозначением места поминального подношения. Подобные знаки зафиксированы с 24 объектами (около 28 %) и представлены на протяжении всего периода функционирования могильника. В двух случаях (М 23, М 353) кирпичное сооружение венчал рваный камень. Отдельно отметим вытянутые по линии с Запада на Восток 3 кладки, состоящие из трех положенных друг на друга кирпичей в комплексе М 248-250, а также «стела» сооруженная из 7 кирпичей, положенных на массивное основание из кирпичной массы, под которой выявлена пепельно-зольная прослойка. Установка знаков происходила, видимо, с учетом сторон света, так как заметно преобладание Северной (58 %) и Южной (33 %) направленности с некоторыми отклонениями в обе стороны.

Кроме того, 7 поминальничков (8 %) были закрыты кирпичами, которые, видимо, "оберегали" содержимое помина от внешнего воздействия (дикие животные, природные условия). Особо выделим пирамидально сложенные в 3 ряда и положенные друг на друга кирпичи (М 384). Подобная практика «забутовки»

поминальной камеры прослеживается на протяжении всего функционирования памятника.

Остатки костра и кострища прослежены в насыпи или на перекрытии над 4 поминами бустонского времени (М 2, М 29, М 177, М 277А).

Тризна и остатки посвячительных приношений выявлены в 6 поминальниках (7 %). В трех случаях (М 297, М 321, М 348) на кирпичном знаке в качестве дополнительного подношения был зафиксирован сосуд баночной формы, еще в трех (М 119, М 351, М 356) в насыпи или в стороне от камеры обнаружены фрагменты от 1-3 преднамеренно разбитых сосудов.

Форма поминальных камер имеет округлую или вытянуто-овальную (85 %), а также подпрямоугольную и подквадратную (10 %) форму. Единственна в своем роде помин М 163, где камера сооружена в виде почковидной ямы с ровным краем по СВ стороне, где, возможно, в качестве знака, находился массивный подпрямоугольный кирпич. Из общего ряда выделяются поминальный комплекс М 248-250, который находился на склоне в ЮЗ части могильника, где подношения тремя скоплениями располагались на древней поверхности. *Размеры* весьма не однородны и варьируют от небольших ($0,13 \text{ м}^2$), до идентичным погребальным камерам (свыше 2 м^2). В целом, все поминальники по размерам можно разделить на две группы: до $0,7 \text{ м}^2$ (более 60 %) и свыше 1 м^2 . Кроме того, как отмечалось ранее, в трех случаях камера отсутствовала (М 248-М 250).

Камеры округло-вытянутой или подпрямоугольной формы в более чем 80 % длинной стороной были ориентированы строго по линии С-Ю (13), З-В (14). На бустонском этапе эта традиция, видимо, постепенно начала забываться, так как 18 % поминов ориентированы по другим сторонам света СЗ-ЮВ (М 23, М 234, М 392), ЮЗ-СВ (М 7, М 194), СВ-ЮЗ (М 302).

Мясная пища присутствует в 30 % поминальников и представлена традиционными кусками грудинки, передней или задней ножкой, лопаткой сохранились части позвоночника, в том числе хвостовые позвонки (рис. 29).

Особо следует отметить, что в поминальном комплексе молалинского времени М 248-М 250 обнаруженные кости животных (хвостовые позвонки) были

обожжены, о чем говорят следы термического воздействия. В М 250 также находились кальцинированные кости животного.

В 14 поминах (54 %) часть мясной пищи находилась в сосудах. В молалинское и молали-бустонское время для мясной пищи использовали вазы (М 248, М 249, М 333, М 398) и миски (М 250, М 394), на бустонском – остатки жертвенной пищи обнаружены в мисках (М 109, М 145, М 218, М 304) и банках (М 247, М 254, М 288), в одном случае кости животных обнаружены в горшках (М 275). Кроме того, в 5 поминальниках (М 248, М 249, М 250, М 381, М 398) под остатками мясной пищи прослежен древесный тлен – видимо была деревянная посуда (тарелка, блюдо). Характерно, что в 4 случаях это были фрагменты хвостовых позвонков.

Определение *местоположения мясной пищи* в камерах представляется нам весьма условным. Связано это с размерами поминальных камер, где они в 60 % случаях не превышают 1м². В целом же кости жертвенных животных обнаружены в центре камеры (60-65%) или у ее стены (35-40 %).

Отдельно выделим помин М 380, где в СЗ части камеры расчищен целый костяк барана без головы. Судя по расположению костей животного, туша, видимо, была связана.

Различные *находки орудий труда, украшения и предметы туалета*, обнаружены в 16 камерах (18 %). Инвентарный комплекс представлен вотивными металлическими изделиями (ножи, зеркало), украшениями (бусы, подвески, пронизь), горный хрусталь, а также глиняные миниатюрные сосуды. Важно отметить, что в поминальниках молали и молали-бустонского времени находки (кроме посуды) обнаружены в 56 %, в то время как на бустонском этапе они выявлены всего в 3 случаях (менее 5 %).

Наибольшее количество представляют однолезвийные (14) и двулезвийные (7) ножи, бронзовые, каменные и гипсовые бусы (1-7), лазуритовые и пастовые подвески (1-4), вотивные бронзовые зеркала с длинной вытянутой ручкой (4) и др. Как и в ранее рассмотренных погребениях, ножи и их металлические фрагменты в большинстве (2/3) располагались рядом с остатками мясной пищи. В четырех случаях находки зафиксированы в керамических сосудах. В помине М

274 найденные votивные двулезвийные ножи и бронзовые бусы находилась в вазах. Отдельно выделим поминальный комплекс М 248-250, где в астадоны положены, в качестве вероятных даров, комплекс артефактов из votивных ножей и зеркал, миниатюрных необожженных сосудов, гипсовых подвесок и бус, бико-нических пряслиц.

Посуда составляет наибольшую по количеству и степени использования в поминальной практике группу находок. Она обнаружена в 86 поминальных приношениях из 87 и представлена более 320 экземплярами шести основных видов (горшок, миска, банка, кувшин ваза, хумча) и астадономами – горшкообразные рифленые сосуды с конической крышкой для жертвенных даров.

Рассматривая керамический комплекс посуды данной группы, можно проследить и развитие и типологических форм посуды. Так, на молалинском этапе из 96 археологически целых сосудов, не встречено ни одного сосуда баночной формы, в то время как на бустонском они составляют более 15 % всей посуды. Кроме того, в более раннее, молалинское время все типы использованы примерно в равном количестве, на бустонском же этапе, около 58 % всей посуды составляет горшечная форма (рис. 30).

Месторасположение сосудов в поминальных ямах характеризуется двумя основными позициями – у стены (37 %) или в центре (63 %) камеры. При этом в 10 камерах здесь прослеживается положение посуды в ряд по 3-5 сосуда, еще в 5 случаях компактно (до 9) в одной или двух частях помина. Стоит отметить 4 камеры бустонского времени, где выявлена преднамеренно разбитая посуда, фрагменты которой разбросаны по всей камере.

Около 8 % посуды (25) окрашено охрой. Практически вся она горшечной формы (20) на стенках которой остались следы лощения (17). В поминах бустонского времени охрой также покрыты 2 вазы (М 146, М 167А) и миска (М 277В). В молалинский период окрашенная посуда представлена 2 горшками со следами лощения по стенкам тулова.

Помимо нанесения на посуду, **охра использована** в качестве подсыпки на дне камеры под инвентарем, включающий 2 целых и донные части от двух сосудов, а также фрагмент бронзового предмета.

Огненная символика представлена не столь многочисленно (в 16 %), как в других обрядовых группах, но ее применение весьма разнообразно. Мы упоминали о наличии остатков костра и кострищ в насыпи (М 29, М 177, М 277А), следов воздействия огня на остатках жертвенных кусков мяса (М 248, М 250), кальцинированных костей животного (М 250). Угольки также выявлены в качестве подсыпки по дну камеры (М 23, М 25, М 177), в скоплении вместе с фрагментами керамики (М 131) и остатки пепельно-зольных наслоений на разбросанную по всей камере разбитую посуду (М 146). Отдельно отметим следы огненного воздействия под кирпичной кладкой М 250, а также прокаленный слой почвы в поминальном комплексе М 379-381. В последнем, на верхнем кирпиче стелы М 379 также были прослежены угольки.

Использование **камня** в обрядовой практике многофункционально. Кроме двух упомянутых случаев, когда рваный камень венчал кирпичное обозначение рядом с поминальником, он также присутствует в настиле вместе с кирпичным ломом (М 351), в камерах (М 353, М 381) и на кирпичах, которые были уложены «П-образно» на дно поминальной ямы (М 254). Также речная окатанная галька обнаружена в сосуде одного из поминов в комплексе М 248-250. Отдельно отметим помин М 277А, над которым остатки костра были закрыты тремя камнями.

Таким образом, многочисленные поминальники, выявленные на территории всего памятника, занимали свое место в структуре обрядовых действий, заключаемые в приношении, как правило, съестных даров в память об усопших или в качестве благодатного дарения «Высшим Силам». Для этого специально создавалась неглубокая яма меньших, нежели погребальная камера размеров, куда и укладывались принесенные дары. Подобные объекты не забывались, о чем говорит дополнительные приношения, которые оставлялись на установленных припоминальных знаках.

Отправление всего ритуального цикла, было связано с обязательным возжиганием огня. Об этом говорят **остатки костров**, засвидетельствованные над могилами, распространенные по всей площади памятника многочисленные кострища. Помимо ранее рассмотренных случаев, когда известны еще не менее 50

остатков костра по всей территории могильника, где они концентрируются на сакрализованных площадках (Аванесова, 2001. С 35-36).

Кроме того, выявлены 23 *алтарных ямы* с мощными отложениями в виде супеси, углисто-сажистых прослоек, угольно- и пепельно-зольных наслоений, продуктов горения органических жиров и вероятно съестных подношений (Аванесова, 2002. С. 109-110). Подобные возлияния характерны на всем протяжении функционирования памятника, о чем свидетельствуют найденные в них немногочисленные фрагменты керамики, характерные для данной культуры (М 32 – молали; М 51, М 96, М 230 - бустон).

Время возжигания было довольно продолжительным, так как мощность наслоений достигала до 0,5 м. Форма алтарей, в виде вытянутой прямоугольной ямы с округлыми углами (15) или круга (5). Единичны случаи квадратной – М 62 (90x90 см.) и прямоугольной – М 91 (60x115 см.). Алтарь М 62 был забутован набросом из кирпичного лома и валуна. В двух алтарных ямах (М 70, М 91) были выявлены остатки кальцинированных костей животных. Возможно, здесь сжигалось, в том числе, и мясное подношение. Путем сожжения на огне, который был проводником жертвоприношений и посредником между миром людей и богов, передавалась в «иной мир» пища, предназначенная либо усопшим родичам, либо как умиловительное подношение богам.

Следовательно, памятник использовался не только как некрополь для захоронения умерших, но и как своего рода культовое место, где производились обряды, связанные не только с поминальной деятельностью, но и с мировоззренческими и религиозными взглядами населения. Это еще раз выделяет Б-VI из всего ряда памятников СК и требует дальнейшего и планомерного изучения.

Глава III. Системный анализ погребальных комплексов некрополя Бустон-VII

К концу джаркутанского периода, на правом берегу Бустонсая начинает формироваться могильник Б-VII. В своей основе он функционировал на протяжении двух последних этапов СК, что роднит его с некрополем Б-VI.

Памятник представляет собой естественную, вытянутую по оси С-Ю, останцевую возвышенность надпойменной террасы Бустонсая на площади около 1,5 га. Раскопки производились в течении трех полевых сезонов (1987-1989гг.) усилиями экспедиций Самаркандского Государственного Университета под руководством проф. Н. А. Аванесовой. Было вскрыто более 100 объектов, относящиеся к Джаркутанскому (1), Кузалинскому (9), Молалинскому (32) и Бустонскому (48) периодам. Еще 19 объектов (кострища, алтари, жертвенники и погребения без инвентаря) не определены.

Могильник Б-VII характерен довольно большим количеством нарушенных или ограбленных в древности могил. Среди объектов погребального назначения таких погребений, 27 имеют характерные черты нарушения целостности могильного пространства, что составляет 45 %.

Здесь, также как и в некрополе Б-VI присутствуют объекты погребального (55%) и не погребального (45 %) назначения. В настоящей главе будет проведена систематизация различных вариантов ингумации, в том числе нарушенных или ограбленных в древности могил, а также захоронений останков человека с животным, куда входит и единственный случай трупосожжения (М 65).

§ 3.1. Описание погребального цикла не потревоженной ингумации

Индивидуальные не потревоженные захоронения полной ингумации, представлены 12 погребениями, что составляет 11 % от общего количества всех объектов некрополя и около 20 % от могил погребального назначения (рис. 31).

Хронологически большинство характеризуют заключительное время СК – молалинский (4) и бустонский (7) этапы. Исключение составляет выявленное на

краю ЮЗ части некрополя захоронение джаркутанского времени (М 1). Погребения занимают в основном центральную часть могильника. Особняком расположены 3 могилы бустонского времени: М 60, М 86 – в Северной части некрополя; М 94 – в Южной.

Надмогильные сооружения представлены земляной насыпью (М 23), и настилом из кирпичного лома (М 1), большая часть которого осела и зафиксирована внутри погребальной камеры. Отметим, что оба захоронения, хоть и разновременные (М 1 – джаркутанского времени, М 23 – бустонского), но при этом имеют одинаковую подпрямоугольную форму и ориентированы по линии С-Ю.

Тризна – одна из составляющих частей после погребального действия обнаружена на кирпичной кладке входного проема мужского захоронения бустонского времени М 26. Она включает сосуд баночной формы, в котором находились остатки мясной пищи (трубчатая кость барана).

В конструкции погребальных камер преобладают могилы ямного типа (58%), подбойно-катакомбный вариант использован не был. Отметим, что катакомбная форма захоронений представлена исключительно молалинским периодом (М 11, М 50).

Ямные погребения имеют подпрямоугольную (6) или округло-вытянутую (1) формы и ориентированные строго по сторонам света (С-Ю; З-В). Размеры камер разнообразны и варьируют в пределах 0,9-2,9 м². В одном случае (М 86), по периметру могильной ямы зафиксированы заплечики 10-15 см.

В погребениях подбойной и катакомбной конструкции, камера выполнена в виде округлой или овально-вытянутой ямы, размерами сопоставимыми с могилами ямного типа (0,8-3 м²). Вход выполнен в виде подпрямоугольной шахты (0,38-0,45 м²), закрытой кирпичом или кирпичным ломом в 1-3 ряда. *Ориентировка входного проема* всегда выполнена с Северной направленностью с отклонениями к СВ или СЗ. Примесей в кирпичной массе, а также дополнительное использование других минералов (камень, валун) при закладке входа не выявлено. В двух погребениях (М 34, М 50) под кирпичной кладкой прослежена угольно-зольная прослойка. Слой мелкой речной гальки зафиксирован также между 2 рядами кирпича в кладке входного проема М 34. В обеих могилах ката-

комбной конструкции имеется ступенчатый выступ между камерой и кирпичной кладкой входного проема.

Рассмотрим *показатели по способу обращения с телом покойного*, куда относится местоположение останков в камере, ориентировка и степень скорченности, поза скелета, положение и ориентировка черепа, а также определение пола и возраста усопшего. Из 12 рассматриваемых погребений половозрастная характеристика произведена в 11 (табл. 7). Отметим, что дети возраста *Infantilis I* (1-3 года) характерны для более раннего, молалинского времени, тогда как подростки и останки взрослых людей (за исключением М 1 – могилы джаркутанского периода) обнаружены в камерах бустонского этапа.

табл. 7 Половозрастная характеристика погребенных.				
Возраст (в годах)	Возраст	Мужские	Женские	Не определено
До 3 лет	<i>Infantilis I</i>	–	1	2
7-13 лет	<i>Infantilis II</i>	–	–	4
14-18 лет	<i>Juvenis</i>	–	–	–
20-35 лет	<i>Adultus</i>	4	–	–
35-55 лет	<i>Maturus</i>	–	–	–
Старше 55 лет	<i>Senilis</i>	–	–	–

Средний возраст мужчин составляет 30 лет, останков взрослых женщин не обнаружено. Таким образом, среди погребенных присутствуют дети до трех лет, подростки 7-13 лет и взрослые мужчины 30-35 летнего возраста.

Кроме того, в обоих погребениях катакомбной конструкции, характеризующиеся одинаковыми размерами и формами, сооружением входного проема с С стороны, захоронены дети примерно одного возраста – до 3-х лет, однако их поза (М 11 – на правом боку, М 50 – на спине), ориентировка головы (М 11 – на Ю лицом от входа, М 50 – на С лицом к входу) говорят об имеющихся различиях, возможно половой принадлежности. Если придерживаться общепринятой для СК традиции хоронить мужчин на правом боку, а женщин на левом, то в М 11 погребен мальчик. Но если в некрополе Б-VII эта традиция не соблюдалась (достоверно знать этого мы не можем, так как общее количество могил недостаточно для статистической обработки, а также отсутствуют захоронения женщин), как это происходило в Б-VI, то мы имеем погребение девочки, т. к. на

правом боку лицом от входа в могильнике Б-VI хоронили именно представительниц женского пола.

Ориентировка костяка и направленность лицевой стороны черепа не имеет строгого направления (рис. 32). Данные позиции никак не связаны с временем создания могилы, половозрастной характеристикой усопшего или конструкции погребальной камеры.

Во всех могилах останки занимают центральную часть камеры с некоторыми отклонениями к стене или входному проему. 9 из 12 усопших находились на левом (3) или правом (6) боку в среднем или слабо скорченном положении. В двух случаях (М 50, М 60) останки положены на спину, еще в одном (М 1) – на животе.

Остатки *мясной напутственной пищи* выявлены в 5 могилах (42 %) и представляют собой фрагменты ребер и трубчатых костей барана. Куски жертвенного мяса ложились перед телом или лицом усопшего на растительную постилку / посуду (М 85) или в керамическую посуду (миска – М 26). Погребения с обнаруженными в них остатками мясной пищи характеризуют бустонский (М 26, М 34, М 86, М 94) и молалинский (М 50) периоды и представлены всеми известными конструкциями погребальных камер. Заметим, что в качестве мясного подношения фрагменты грудинки (ребра) обнаружены в могилах взрослых (М 35, М 86), тогда, как у детей (Infantilis I-II) в качестве жертвенной пищи присутствуют остатки трубчатых костей (М 34, М 50, М 94).

Сопутствующий инвентарь обнаружен в 4 могилах и представлен набором украшений – бусы, пронизи и подвески (М 23, М 34, М 85), а также мраморным навершием булавки. Весь комплекс находок состоит из камня и бронзы и характеризует молалинское (М 35, М 85) и бустонское (М 23, М 34) время. Среди украшений преобладают бусы из бронзы и гипса. Найдены также 2 каплевидные лазуритовые (М 85) и фрагмент бирюзовой подвески, обнаруженный в вазе (М 23), удлиненная бочонковидная агатовая бусина (М 23), пастовая ребристая пронизь (М 34), мраморное навершие булавки (М 35). Характерно, что волевидных пластинок в рассматриваемой группе могил не обнаружено.

Посуда выявлена в 10 погребениях (83,3 %) и представлена 29 целыми и фрагментами от 5 сосудов, в том числе обломками степной керамики (М 26, М 35). В среднем, в одной могиле находилось около 2, 5 сосуда (от 1 до 6). Большинство посуды составляет стандартные формы горшков (13 – 44,8 %), мисок (6 – 20,7 %), ваз (2), банок (2). Исключение составляют 2 горшкообразных чайника шарообразной формы с трубчатым носиком (М 1, М 23), 2 приплюснутых блюда с загнутыми внутрь венчиком (М 26), а также 2 глубоких конических тагора (М 1). В двух погребениях подростков (М 6, М 34) посуда отсутствует.

Относительно тела человека посуда располагалась перед телом (62 %), а также у головы (13,8 %) или под ногами (13,8 %). В М 23 три сосуда находились в стороне над головой погребенного у Ю стены камеры. В камере посуда также располагалась большей частью у стены (69 %) и в центре камер. Еще один сосуд (банка), как говорилось выше, был обнаружен на кладке входа с остатками поминальных приношений (М 26). Фрагменты лепной керамики обнаружены в камерах М 26 (у ног) и М 35 (за спиной).

Особо стоит отметить остатки кожного сосуда или сумки в погребении молалинского времени М 35. Кожаные остатки располагались над головой у З стены могильной камеры.

В могилах бустонского времени М 23 и М 26 некоторые сосуды (чайник и ваза – М 23, горшок – М 26) были *окрашены охровой краской*. На чайнике и горшке сохранились следы лощения. В другом качестве использование охры в обряде не выявлено.

Подстилка прослежена в половине всех захоронений в виде остатков коричневого (М 1, М 35, М 86, М 94) и растительного (М 50) тлена, а также продуктов горения – зола, угольки (М 26, М 94). Использование подстилки наблюдается на всех представленных этапах, как во взрослых, так и в детских и подростковых захоронениях.

Камень помимо упомянутой выше прослойки между кирпичами (М 34) и обнаруженного валуна в насыпи (М 23), речная окатанная галька выявлена в могиле джаркутанского времени М 1. Одна находилась с левой стороны у пояса, другая – ниже, у колена левой ноги.

Таким образом, захоронения по обряду труположения занимал довольно широкую нишу в погребальной обрядности (20 %) и в целом соответствовал общепринятым правилам в СК. Здесь также преобладает положение тела на боку (75 %), разнообразие в ориентировке по сторонам света, положения в камере и пр. Подношение жертвенных кусков мяса барана, другой пищи в керамической посуде также соответствует канонам погребальной практике саппалинцев. Экстраординарных явлений не выявлено.

§ 3.2. Статистическая обработка данных вторичных погребений

Среди объектов погребального назначения, наибольшее число представлено вторичным захоронением. Подобный вариант ингумации выявлен в 13 погребениях, что составляет 21,7 % от общего количества рассматриваемых могил. *Хронологически* они относятся к трем последовательно сменяющимся этапам СК, что отражено в рис. 33.

Тризна и поминальные приношения выявлены в трех могилах бустонского времени (М 2, М 12, М 49). Остатки костей животных (лопатка, ребра) обнаружены на кладке входа М 2, дополнительное приношение в сосуде (банка), также на кирпичной кладке зафиксировано в погребении М 49. Отдельно отметим поминальное приношение в виде низки бронзовых и каменных бус, обнаруженных на кирпичях (М 12) входного проема. Кроме того, над входом было прослежено кратковременное возжигание костра. Здесь же находился горшок, в котором, вероятно, находились съестные подношения.

Для захоронения вторичной ингумации использовались все 4 *типа погребальных камер* с преобладанием подбойно-катакомбной (5) и ямной (4) конструкции. В меньшей степени использован подбойный (2) и катакомбный (2) вариант конструкции могильного сооружения.

Средние *размеры камер ямных захоронений* составляют 1,2 м², и представлены овально-вытянутыми (М 8, М 92) или подпрямоугольными ямами с закруглыми углами (М 64, М 90). Отметим, что первые длинной стороной вытянуты по линии С-Ю, а подпрямоугольная форма – СВ-ЮЗ.

Могилы, конструкция которых предполагает наличие входного проема, имеют округлую, овально-вытянутую и почковидную формы. Размеры варьируют от 1 до 3,2 м², а в среднем площадь камер составляет 1,8 м². Глубина погребений от уровня входного проема также не одинакова и может достигать до 1 метра (М 32). Вход имеет подпрямоугольную форму, в камере катакомбной конструкции М 2 зафиксирован плавный ступенчатый спуск от кирпичной кладки. Входная часть погребальных камер схожа по форме, но имеют различные размеры, как незначительные – 0,4 м² (М 76), так и доходя до 1,5 м² (М 2). Входная часть оформлена с различных сторон, света не имеет строгой направленности и не связана с временем создания могилы. Закладка производилась формовочным кирпичом или кирпичным ломом в 1-3 ряда. Исключение составляет одно погребение (М 76), где во входном проеме закладки не выявлено. В одном случае кирпичная масса включала примеси мелкого речного гравия и ракушек. В могиле М 88 под кирпичной кладкой прослежена угольная подсыпка, кроме того, слой угольков выявлен между кирпичами в погребении М 82.

Половозрастная характеристика в погребениях вторичной ингумации определена в 8 погребениях (61,5 %). Антропологически определены 3 мужских и 4 женских костяка разных возрастных групп, а также останки подростка 7-10 лет. Средний возраст мужчин составляет 31 год, женщин – 22 года. Деления по типу камеры между мужскими и женскими захоронениями, видимо, не было, но стоит отметить, что в могилах подбойно-катакомбной конструкции на бустонском этапе преобладают женские погребения, а мужское захоронение относится к более раннему, кузалинскому периоду. В остальных случаях неполное определение половозрастной характеристики и незначительное количество изученных объектов не позволяет детально проработать статистический материал по вторичному захоронению.

Способ укладки останков в могиле, как правило, носит компактный характер. Кости находятся в центре камеры (8) или у стены (5), в трех случаях (М 12, М 82, М 88) останки в камере занимают значительную площадь – до 0,8 м². Основное количество костных останков составляют трубчатые, ребра и тазовые кости, также присутствуют лопатка, позвонки, крестец, стопы ног в сочленении

(М 88). *Череп* обнаружен в 6 могилах, положен на бок с ориентировкой на З (М 2, М 12, М 37) или на С (М 88), а также теменем вверх (М 76, М 82). Отметим, что в 3 из 4 могил ямного типа останки представлены незначительным количеством ребер и трубчатых костей, в то время как в подбойных и подбойно-катакомбных погребениях захоронения включают и другие части скелета человека.

Мелкие кости, такие как фаланги пальцев, позвонки и т.п. в состав вторичной ингумации включались редко. Нижняя челюсть не всегда присутствовала там, где в наличии был череп. В трех захоронениях черепная коробка присутствовала, а нижняя челюсть обнаружена не была (М 12, М 76, М 82).

В пяти погребениях под останками прослежена *подсыпка / подстилка* из продуктов горения – угольки, зола (М 49, М 90) или органического материала (М 76, М 82, М 88). Отметим, что подсыпка из угольков и золы использована на бустонском этапе, а коричневый органический тлен, зафиксирован в могилах кузалинского и молалинского периодов. Кроме того, подсыпка из угольков по дну всей камеры выявлена в могиле М 8 бустонского времени.

Напутственная мясная пища обнаружена в 4 погребениях (31 %) и представлена частями грудинки (М 12, М 37, М 88), задней или передней ножки (М 37, М 88) и лопатки (М 76) барана. В могиле ямного типа М 64 в В углу среди фрагментов керамики также обнаружен астрагал овцы. В могилах подбойно-катакомбной конструкции мясная пища выявлена у стены (М 12, М 37 – бустонский период), а в погребениях подбойного типа (М 76, М 88 – молалинский период) в центре камеры.

В двух погребениях остатки мясной пищи – ребра и трубчатые кости находились в сосудах. В могиле молалинского времени (М 88) они обнаружены в вазе, на бустонском этапе – в миске. В одном случае остатки мясной пищи (лопатка барана) находилась сверху костей человека (М 76).

Находки орудий труда, украшений и предметов туалета, обнаружено в 5 погребениях (38,5 %) и включают вотивные ножи и металлические пластинки, бронзовые и каменные бусы, булавка и серьга-подвеска. Наибольшее количество находок составляют изделия из металла – три однолезвийных (М 82) и дву-

лезвийный (М 88) нож, фрагменты и пластинки металлических изделий (М 64, М 95), а также украшения – гвоздевидная булавка с конической шляпкой (М 12), серебряная кольцевидная серьга с несомкнутыми концами (М 64) и низка бронзовых биконических бус (М 88). Каменные изделия представлены двумя агатовыми бусинами удлиненной бочонковидной формы со сквозным отверстием (М 64, М 95). Стоит при этом отметить, что обнаруженные агатовые бусины найдены в разновременных погребениях: могила бустонского времени принадлежит мужчине (М 64), в погребении молалинского периода (М 95) половозрастная характеристика останков не определена. Кроме того, напомним, что подношения каменных и бронзовых бус было выявлено на кирпичной кладке женского погребения М 12. Отдельно отметим обнаруженное в могиле М 88 истлевшее изделие из кожи, возможно, шкатулка или сумка, на которой прослежены следы органической краски.

Археологически целая *посуда* выявлена в 8 погребениях (61,5 %) в количестве 1-6 шт. Всего обнаружено 20 сосудов и 18 фрагментов (из них в М 2 5 фр. лепной) керамики. Целая посуда представлена горшечной формой (55 %), имеются также вазы (3), миски (3), банка (2); в одном экземпляре найдены кувшин (М 49) и хумча (М 82). Вазы выявлены только в погребениях смолалинского времени.

Обломки сосудов, характеризующие заключительное молалинское и бустонское время присутствуют в могилах ямной и катакомбной конструкции в количестве 1-5 шт. Они обнаружены как внутри погребальной камеры (М 2, М 64, М 90, М 92), так и во входном проеме (М 2, М 49) и в заполнении ямы (М 95).

В могиле М 37 два горшка окрашены *охрой*, на одном из них заметны следы лощения. Других вариантов использования охры не зафиксировано.

Камень использован всего в двух погребениях. Помимо упомянутого выше присутствия мелкого гравия в кирпичной массе (М 12), небольшая окатанная галька находилась на дне женского погребения М 49.

Огонь в рассматриваемой группе могил представлен широким спектром использования. В том или ином виде его проявления зафиксированы в 9 погребениях из 13 (69 %). Ранее мы указывали на использование угольков в качестве

подсыпки под останками, и по дну камеры, а также на угольно-зольные прослойки между кирпичами (М 82) и под кирпичной кладкой (М 88). Кроме того, в 4 случаях (31 %) зафиксированы остатки от костра (М 2, М 8, М 12, М 49), мощное кострище с С-З стороны погребения М 64, а также изолированное скопление угольков у входа (М 37).

Таким образом, вторичная ингумация использовалась на протяжении всего периода функционирования некрополя. Относительно небольшое количество сопутствующего инвентаря, в том числе посуды (в среднем 1,5 сосуда), напутственной мясной пищи (около 1/3), возможно, свидетельствуют о невысоком социальном статусе погребенных. В целом же обряд мало отличается от вторичного захоронения в некрополе Б-VI.

Глава IV. Объекты не погребального назначения Бустон-VII

В обрядовой практике населения, использующих некрополь Б-VII, также присутствовал ритуал создания отдельных комплексов, не имеющих прямого отношения к захоронению усопших. Различные варианты не погребального назначения в системе могильника составляет 45% от общего количества всех изученных объектов (рис. 34).

Индивидуальные захоронения животных (М 25, М 58), были рассмотрены нами в разделе вместе с комбинированными погребениями человека и барана. Ниже будут рассмотрены другие варианты могил не погребального назначения.

Фиктивные погребения

Подобные могилы расположены по территории всего памятника и являются довольно распространенным вариантом в системе некрополя (около 15 %). В камерах, также, как и в Б-VI были выявлены подношения в сосудах, различные украшения и votивные металлические изделия.

Всего выявлено 16 фиктивных могил, *хронологически* представляющих последовательно сменяющиеся этапы СК: кузалинский (6), молалинский (4) и бустонский (6) этапы (рис. 35). При этом наблюдается определенная последовательность в сооружении фиктивных могил. Так, камеры кузалинского периода находятся в С части, молалинские – на Ю-ЮЗ, бустонские – расположены по линии С-центр-СВ. Исключение составляет могила бустонского периода (М 4), находящаяся на ЮЗ окраине могильника.

Надмогильные сооружения в виде земляной насыпи выявлены в 4 случаях (25 %) по остаткам костра (М 45) или кострищ (М 15, М 24), а также по обнаруженным в насыпи фрагменту лепной андроновской керамики и небольшой окатанной гальки (М 79). Могилы подбойной конструкции, где насыпь определена по *остаткам кострищ*, сложенных над входной частью погребальной камеры, характеризуют молалинский период. Две другие могилы представлены грунтовыми ямами подпрямоугольной формы кузалинского (М 79) и бустонского (М 45) времени.

Конструкция погребальных камер представлена 2 основными видами – подбой и грунтовая яма. *Ямные погребения* оформлены в виде округлых (3) или подпрямоугольных (5) ям. Средний размер подобных могил составляет 1,5-1,7 м², при этом варьируя от 1 до 2,6 м². Могильные камеры представлены 2 основными формами – округлая (3) или подпрямоугольная (5). Все могилы длинной стороной ориентированы строго по линии З-В или с некоторыми отклонениями в ту, или иную сторону.

В могилах *подбойной конструкции* погребальная камера выполнена в виде овально-вытянутых или округлый ям. Исключением является погребение молалинского времени М 75, где она имеет подпрямоугольную форму. Размеры в целом повторяют могилы ямного типа как в средних, (1,8- 2 м²), так и в абсолютных величинах (1,3-2,7 м²). Входной проем выполнен в виде подпрямоугольных шахт размерами 0,5-0,7 м². Сооружение входа в могилах, видимо, не имела четко определенной ориентировки по сторонам света, однако заметим, что 50 % сооружено с С стороны. При этом погребения возведены в разное время, имеют разные формы могильных камер и размеры. Закладка происходила при помощи 1-3 ряда кирпича или кирпичного лома, а также древесиной (М 83). В двух случаях (М 73, М 75) входной проем остался открытым. Примесь угольков в кирпичной массе присутствует в одном погребении – М 71, как в кирпичах входного проема, так и в погребальной камере.

Из объединяющих факторов отметим: 1) могилы бустонского периода в 5 из 6 случаях представлены ямной конструкцией; 2) размеры погребальных камер на молалинском этапе имеют схожие размеры (2-2,2 м²); 3) могилы ямного типа кузалинского времени характеризуются подпрямоугольной формой и широкой стороной ориентированы по линии З-В.

Мясная напутственная пища обнаружена в 10 погребениях, что составляет около 62,5 % от общего количества фиктивных могил. Остатки костей животных представлены регламентированными кусками грудинки, задней или передней ножкой, реже встречаются спинные и хвостовые позвонки. При этом, в 70 % (7 из 10) остатки мясной пищи выявлены в могилах подбойного типа.

Важно отметить, что именно в фиктивных могилах в качестве мясной пищи, помимо костей барана, были обнаружены остатки джейрана (М 67, М 74, М 83) и крупного рогатого скота (М 71), что является редким для других обрядовых групп. Остатки мяса джейрана (ребра, трубчатые кости) обнаружены в двух кузалинских погребениях подбойной конструкции (М 74, М 83) и могиле ямного типа молалинского времени (М 67). Костные остатки крупного рогатого скота (передняя ножка) зафиксированы на бустонском этапе в подбойном погребении М 71.

Местоположение пищи не имеет строго регламентированного места в камере. В 80 % кости животных обнаружены в центре (5) или у стен (4) камер, еще в двух погребениях – находились у входа (М 53, М 74). Причем, в М 74 мясо джейрана (грудинка, задняя ножка) было положено на кирпич. Подобным образом, но в разных частях камеры М 67, зафиксированы кости джейрана (ребра, фрагменты трубчатых костей), которые также находились на кирпичиках.

В 4 погребениях часть костей животных находилась *в сосудах*, причем в могилах подбойной конструкции в качестве посуды для мясного подношения использовались вазы, а в камерах ямного типа – горшки. Объяснить это можно тем, что оба ямных погребения хронологически относятся к бустонскому времени, а на заключительном этапе СК вазы в погребальной обрядности практически не применялись. Подбойные могилы характеризуются более ранним, кузалинским (М 53) и молалинским (М 75) временем, а следовательно вазы были одним из вариантов посуды для съестных приношений.

Подстилка/подсыпка прослежена под находящейся в могиле посудой или по дну погребальной камеры. Она зафиксирована в трех погребениях (19 %) и представлена остатками растительной подстилки (М 51), коричневого тлена (кошма, войлок) (М 53) и угольков (М 71).

В рассматриваемой группе необходимо выделить 6 могил, в которых часть камеры занимала, выполненная из различного материала *округлой формы подсыпка*. Она выявлена на различных этапах, как в могилах подбойной конструкции (4), так и камерах ямного (2) типа. В двух могилах бустонского и двух молалинского времени, данная подсыпка сделана из мелкой гальки (М 15, М 45) с

примесью угольков и золы (М 4, М 24). В погребениях более раннего, кузалинского периода для создания подобного рода изолированного «круга» использована штукатурка из гипсовой обмазки (М 73) и угольно-зольная подсыпка. Здесь надо отметить, что в могилах ямного типа (обе бустонского периода) «круг» из мелкой гальки находился напротив расположенных в ряд 6 сосудов. В подбойных погребениях такая подсыпка выявлена в центре камеры (М 24, М 83) у стены (М 73) или входного проема (М 15).

Сопутствующий инвентарь представлен, в основном, изделиями из металла (76 %); значительно в меньшем количестве найдены украшения из камня и гипса. Находки обнаружены в могилах кузалинского (М 53, М 73, М ножи и 74), молалинского (М 15, М 67, М 75) и бустонского (М 4, М 71) времени. Наибольшее число находок составляют вотивные однолезвийные ножи (6) и ножевидные пластины (2), небольшие металлические фрагменты (2), а также зеркала (3) с вытянутой или заостренной ручкой. Предметы украшения представлены 2 гипсовыми (М 15, М 53) и бирюзовой бочонковидными бусинами, каплевидной лазуритовой подвеской (М 67) и мраморным навершием булавки (М 75). Необходимо также отметить 2 небольшие деревянные шкатулки, в которых, видимо, находились обнаруженные в могиле М 15 металлические предметы. Здесь же прослежены 3 небольших по площади скопления коричневого тлена, которые возможно, также являлись изделиями из органического материала, который до момента раскопок не сохранился.

Практически все находки были зафиксированы на дне погребальных камер рядом с находившейся там посудой. В двух случаях они находились в сосудах: это вотивный нож, обнаруженный в вазе с остатками мясной пищи (М 53) и навершие булавки, также находившееся в вазе в могиле М 75.

Посуда представлена всеми известными типами и обнаружена во всех 16 фиктивных погребениях. Как и в других обрядовых группах, более 1/3 всех сосудов представлены горшечной формой, которая применялась на всем протяжении функционирования некрополя. Более подробная картина вариативности использования различных видов посуды на разных этапах представлена в табл. 8.

табл. 8 Соотношение типов посуды с учетом этапа			
тип сосуда / этап	Бустон	Молали	Кузали
ваза	-	14	9
миска	7	3	-
горшок	17	11	6
банка	4	-	-
кувшин	2	7	7
хумча	1	-	-
Итого	31	35	22

Как видно в приведенной таблице, на бустонском этапе исчезают вазы, уменьшается количество кувшинов. При этом появляются банки и хумча. Другой интересный факт – различия в численном соотношении посуды в погребениях разного времени. Так, в могилах кузалинского периода среднее количество составляет 3,7 сосудов / могиле, на молалинском этапе – 8,75, в бустонском – 5,2. Количество посуды в 1 камере варьирует от 1 до 12 шт.

Местоположение посуды характеризуется двумя относительно погребальной камеры частями – в центре камеры, где находятся 48 % всего керамического комплекса и у стены – 52 % посуды. Такое деление весьма условно, так как в 7 могилах сосуды располагались в ряд в количестве от 6 до 12 шт., занимая в камере большую часть пространства камеры. Обратим внимание на погребение М 71, где 1 небольшой горшкообразный сосуд был положен на кирпичную "подставку".

В двух могилах часть посуды была *окрашена* охровой краской. В погребении бустонского времени 3 горшка имели красноангобированную поверхность, на 2 из них заметны следы лощения. В М 78 ангоб присутствует на 1 вазе, следы лощения не выявлены. Таким образом, окрасу подверглись незначительное количество посуды (менее 5 %) на двух заключительных этапов СК. В других вариантах *использование охры* не выявлено.

Камень в обряде применялся довольно часто и обнаружен в 6 погребениях (37,5 %). Ранее упоминалось о подсыпки из мелкой гальки, выполненной в форме круга в 4 могилах. Также одна небольшая окатанная галька находилась в СЗ углу камеры М 79 вместе с обломками горшка, а другая – в насыпи рядом с

фрагментом андроновской керамики. В другом случае, большой валун находился в 3 части камеры. Возможно, он выполнял роль знака, так как зафиксирован не на дне погребальной камеры, а на некотором от него расстоянии.

Различные *проявления огня* выявлены в 7 камерах. Мы упоминали ранее о кострищах (М 15, М 24) в насыпи подбойных погребений бустонского времени, при изготовлении кирпичной массы (М 71) и использовании угольно-зольной подсыпки по дну (М 71) и совместно с мелкой галькой в подсыпки округлой формы, занимающей отдельную часть камеры (М 4, М 24). Кроме того, в двух случаях были зафиксированы угольки от остатков костра, которые обнаружены в насыпи бустонской могилы (М 45) и во входном проеме кузалинско погребения (М 73).

Таким образом, фиктивные могилы характеризуются всеми свойствами погребений обрядовых групп с захоронением останков человека, но при этом имеют некоторые отличия. В первую очередь это касается "круговой" формы подсыпки, которая создавалась на протяжении всего функционирования некрополя, но при этом лишь в относительно небольшой части могил (37 %). Смысл данной особенности при сооружении фиктивных могил не ясен, возможно, это символическое место, на котором должно было находиться тело покойного.

Помины

На территории некрополя выявлено 12 поминальных камер, что составляет 11% от общего числа изученных объектов. В целом они характеризуются аналогичными с поминальниками Б-VI параметрами ям, сопутствующим инвентарем и другими признаками, в том числе, установке в отдельных случаях кирпичных "знаков" для определения их месторасположения. Помины распространены по всей площади могильника, не группируясь или концентрируясь в отдельной его части.

Хронологически, они сменяют три последовательных этапа СК и представлены кузалинским (1), молалинским (5) и бустонским периодами. Один помин (М 54) не содержал в себе вещественных артефактов, по которым было бы возможно определить время его создания.

Надмогильных сооружений в виде земляной насыпи не зафиксировано. В 5 случаях (41,7 %), у края камеры, обнаружены, поставленные в один или несколько (до 4) рядов "знаки", сформированные из формовочного кирпича и кирпичного лома. Эта особенность при сооружении поминов наблюдается на молалинском (М 39, М 98) и бустонском (М 41, М 42, М 48) этапах. При этом установка знака происходила, видимо, по определенным правилам. Так, на молалинском этапе, знак из одного или нескольких кирпичей в 1 ряд располагался с Ю стороны камер. В бустонское время кирпичная кладка состояла из 2-4 положенных друг на друга кирпичей и место ее установки определялось З или В положением относительно поминальника. Отличается установка знака в М 42, где кладка сильно растянута по линии СЗ-ЮВ, а между кирпичами выявлена угольно-зольная прослойка.

Остатки костра прослежены в одном случае – над поминальной ямой бустонского времени М 37А.

Тризны и остатков посвященных приношений не выявлено. Возможно, к подношениям послеритуальных действий можно отнести, обнаруженный на кирпичном знаке (М 98) вотивный однолезвийный нож.

Мясная пища зафиксирована в трех камерах (25 %) в виде костных остатков (ребра, позвонки, трубчатые кости) барана. В поминах бустонского времени она представлена набором из грудинки, задней ножки и части позвоночного ствола, которые находились в миске (М 41), а также фрагментами грудинки (М 42). Кости в обоих случаях располагались компактно в центре камеры. На молалинском этапе фрагментированные кости животных (ребра?) выявлены в М 39. Osteологический материал в виду его незначительного количества не позволил определить видовую принадлежность животного.

Особо отметим захоронение передних конечностей взрослой особи осла. Не установлено, являлись ли эти фрагменты животного ритуальным мясным подношением, или несли особое смысловое значение. Сопроводительного инвентаря или его следов зафиксировано не было.

Сопроводительный инвентарь представлен находками поминальников молалинского времени, состоящие из вотивного однолезвийного ножа, зеркала (?)

с вытянутой ручкой и каплевидной лазуритовой подвески (М 98), а также ножевидной пластинки (М 99). Ранее говорилось, что нож с М 98 был обнаружен на кирпиче у поминальной ямы, остальные находки расположены в центральной части камер.

Посуда, составляющая 85 % всего комплекса находок, обнаружена в 10 камерах, при этом, в двух (М 39, М 99) были выявлены лишь фрагменты сосудов молалинского времени. Археологически целая посуда, таким образом, присутствует в 8 поминах (66,7 %) в количестве 1-5 шт. Наибольшее количество посуды (5) находится в поминах бустонского времени М 41 и М 42, где она компактно расположена от центра камеры к стене, по которой установлен знак. В остальных случаях посуда поставлена в центре или у стен, однако такое обозначение условно в связи с небольшими размерами поминальных ям. В помине М 37А бустонского времени, в котором дно камеры занимала кирпичная кладка в 1-2 ряда, на которую впоследствии был установлен сосуд с пищей. Отдельно стоит отметить положение горшка в М 30, который располагался у стены вверх дном. Такое перевернутое состояние посуды есть и в некоторых объектах некрополя Б-VI и, видимо, также символично показывает отданное «до дна» поминальное приношение.

Типология посуды известна 6 вариантами, при преобладании (54 %) горшко-видных сосудов (табл. 9). Около 2/3 всего керамического комплекса находится в поминах бустонского времени, для которого также характерно отсутствие ваз и наличие мисок и посуды баночной формы.

В поминальнике М 42 два горшка были окрашены охровой краской, следы лощения не выявлены.

табл. 9 Типология посуды с учетом периода			
тип сосуда / этап	Кузали	молали	Бустон
горшок	-	4	8
миска	-	-	3
банка	-	-	3
ваза	-	1 (фр.)	-
кувшин	2	-	-
хумча	-	1	-

Охра также прослежена в качестве *подсыпки* под расположенной в поминальнике М 41 посудой. Заметим, что это единственный случай использования красной охры в обрядовой деятельности некрополя Б-VII.

Подстилка органического характера (кошма, циновка) зафиксирована на дне двух поминальников (М 42, М 91) в виде тлена коричневого цвета. Помин М 91 хронологически отнесен к кузалинскому времени; М 42 – характеризует бустонское время.

Камень при конструировании поминальной ямы или в обрядовой деятельности замечен не был.

Таким образом, поминальники, своим функциональным назначением в первую очередь несли умиловительную, искупительные, поминальные и другие ритуалы. Получателями подношений были не только умершие предков, но и боги, так или иначе связанные с миром мертвых (Антонова, 1999. С. 24-25). Об этом также свидетельствует и расположение поминов, которые находятся как в непосредственной близости от погребений человека, так и рядом с объектами не погребального назначения (жертвенники, фиктивные могилы).

Помины некрополей Б-VI и Б-VII в целом имеют общие черты при конструировании камер; топография могил; инвентарный комплекс. Есть и некоторые отличия – крайне небольшое количество посуды, отсутствие надмогильных сооружений и поминальных приношений.

Жертвенники

Семь грунтовых ям по общим параметрам, схожи с поминальниками, но при этом объединены признаками, позволяющие выделить их в самостоятельную группу. Это прослеженная во всех камерах угольная подсыпка, которая возможно, являлась остатками от кратковременного горения костра. Кроме того, во всех ямах обнаружены костные остатки (ребра, трубчатые кости) жертвенного мяса барана. В 6 камерах обнаружены фрагменты преднамеренно разбитой керамики. Все это позволило выдвинуть предположение, что рассматриваемые объекты создавались именно для жертвенного ритуала.

Расположенные по окраине могильника с Западной и Северной стороны, жертвенники *хронологически* определены молалинским (М 5, М 19, М 55) и бустонским (М 7, М 29) временем. Еще в двух случаях (М 13, М 77) время создания установить не удалось. Все определения проведены с определенной долей условности, так как инвентарь представлен лишь незначительными фрагментами керамики, на основе которых и производилась датировка.

Жертвенники имеют округлую (2), овально-вытянутую (3) или подпрямоугольную (2) *форму* с сильно закругленными краями. *Размеры* варьируют в пределах от 0,76 до 1,6 м² при средних показателях около 1 м². Длинной стороной 6 камер ориентированы по линии С-Ю, еще одна (М 19) – З-В.

Остатки мясной пищи представлены фрагментами ребер и трубчатых костей барана, которые в незначительном количестве присутствуют во всех камерах. Вероятно, мясное подношение играло особую роль и совместно с символикой огня являлось неотъемлемой частью ритуального действия. Местоположение костей животных характеризуется относительно равным соотношением в различных частях камер.

Сопутствующий инвентарь составляют разбитые фрагменты керамики, которые обнаружены в 5 жертвенных ямах. Часть посуды удалось определить: – это ножка вазы (М19), два венчика банок (?) (М 29), части от трех сосудов горшковидной формы (М 5, М 7). Отметим, что во всех случаях обнаружения фрагментов, обломки находились на отдалении друг от друга и принадлежали разным сосудам. *Местоположение* фрагментов у стены (3) и в центре (3) камер одинаково.

Камень зафиксирован в 5 жертвенных ямах, где находились от 2 до 4 крупных речных валунов. Расположены они по краям, оставляя при этом свободной центральную часть камеры. Связи между формой ямы, временем ее создания и наличия в ней камня не выявлено. Использование камня в других вариантах обрядовой деятельности также не прослежено.

Таким образом, в структуре некрополя Б-VII выявлено семь ям, трактуемые нами как жертвенники, в которых отмечены следы ритуальной трапезы в виде обломков посуды и костей жертвенного мяса. Подношений в виде различных

материальных ценностей и съестных припасов не обнаружено. Подобные объекты не погребального назначения не встречаются в погребальной практике некрополя Б-VI, также не известно их применение в других памятниках СК.

Алтарные конструкции

Алтарные ямы могильника Б-VII в целом повторяют аналогичные объекты ранее рассмотренного памятника Б-VI. Это относится к формам (округлой и подпрямоугольной) и размерам (0,7-1 м²) алтарей, мощности наслоений (до 0,4-0,5 м) и заполнением (супесь, углисто-сажистые, угольно- и пепельно-золевые наслоения, продукты горения органических жиров).

За период изучения открыто 9 алтарных сооружений, что от общего количества объектов составляет около 8 %. Распространены по всей площади некрополя, причем 4 алтаря в Южной части расположены в ряд (М 101-104) на квадратах Ф / 10'-13'. Это позволяет предположить, что их создание происходило одновременно или на протяжении относительно небольшого промежутка времени.

В отличие от алтарей некрополя Б-VI, здесь не выявлено остатков жертвенных кусков мяса, *керамика* (фрагмент сосуда баночной формы бустонского периода) обнаружена лишь в одном случае – в заполнении ямы М 97. Здесь же на дне находился речной валун.

Таким образом, могильник Б-VII, также как и Б-VI является не только местом для погребения соплеменников, но и для отправления определенных действий ритуального характера, о чем говорят 45 % камер не погребального назначения от общего количества объектов. Это однотипные фиктивные погребения, поминальнички и алтарные ямы. Здесь не выявлено сакрализованных площадок и символических погребений с глиняными монофункциональными изделиями и культовой посудой, что кардинально отличает два рассматриваемых могильника. Все эти аспекты требуют дальнейшего изучения ритуального действия не погребального характера и их интерпретацию в свете новых обобщенных данных.

Заключение

К числу ценнейших источников, позволяющих осуществить реконструкцию и моделирование древних обществ, относятся погребальные памятники. В материализованном виде они сконцентрировали в себе достижения материального производства, а также жизненно важные идеологические установки.

Располагаемый нами фонд источников (615 объектов) выглядит достаточно представительным для разработки типологии структуры погребального обряда некрополей Б-VI и Б-VII. Систематизация археологических объектов на обоих памятниках позволила выделить несколько обрядовых групп и вариантов захоронений, а также могил, не предназначенных для непосредственного погребения человека:

I. Ингумация – скорченно на боку, на животе, на спине; фракционное или расчлененное; вторичное перезахоронение; вариантом ингумации является и человеческое жертвоприношение. К ингумации относятся также нарушенные или ограбленные в древности, а также оскверненные захоронения. Варианты ингумации широко распространены в обоих рассматриваемых памятниках. В процентном соотношении это выражается как 35,2 % для могильника Б-VI, и 54,1 % для Б-VII.

II. Трупосожжение с последующим захоронением остатков вскоре или сразу же после кремирования – в грунтовых лунках; помещение в «куклу» или манекен умершего; сложены в кусок ткани («пакет»); в сосуде. Подобное обращение с телом умершего характерно для Б-VI, где количество кремированных останков составляет 16,6 % от общего количества вариантов погребальной практики. В могильнике Б-VII кремированные останки выявлены всего в одном случае (М 65) и представляются нам скорее исключением в похоронной обрядности некрополя.

III. Символические могилы – захоронения животных (овца, собака); антропоморфные статуэтки и другие votivные предметы; сосуды культового назначения (астадоны, курильница), наконечники стрел и другие символы. Сопоставляя данные погребений животных, мы видим практическое равное соотношение

могил с их остатками (5,1 % в Б-VI, 4,6 % в Б-VII). Отличие состоит в видовом разнообразии. Так, если в некрополе Б-VII практиковалось захоронение только овец, то в Б-VI выявлены также два захоронения с собаками (М 76, М 371). Символические погребения монофункциональных глиняных поделок, характерны только для погребальной практики Б-VI, причем их количество достаточно велико (около 8 %).

IV. Объекты, сопутствующие отправлению культовых действий. В данную группу входят поминальники, фиктивные, кенотафные погребения, алтарные ямы, кострища и другие сооружения без останков человека. Подобные объекты составляют значительную часть полиритуального памятника Б-VI (58,3%). Большое количество их и в некрополе Б-VII (45 %).

Судя по характеристике обрядовых групп, ритуальная практика бустонцев была достаточно разработанной, надо полагать, что выполнение ритуала играло важную роль в укладе жизни данного сообщества. Культурной инновацией второй половины II тыс. до н.э. доисторической Бактрии являются метаморфозы в обрядово-ритуальной сфере жизни. Это, главным образом, мы можем проследить в системе некрополя Б-VI, где имело место возведение специально подготовленных церемониальных площадок. Здесь совершались долговременные обряды, о предназначении которых мы можем только догадываться по таким археологическим следам, как остатки от костров, грунтовые алтари, жертвенные куски мяса животных и т.п. без видимой связи с каким-либо захоронением.

Следует отметить, что сравнительный анализ обсуждаемых некрополей выявил своеобразие и ряд принципиально важных черт, отличающих их один от другого. Так, материалы Б-VI свидетельствуют о явном нарастании степных элементов начиная с середины II тыс. до н. э. и качественно новом периоде в жизни этого общества, чего не скажешь о Б-VII.

Археологические комплексы позволяют полагать, что реальный вектор поиска исходного культурного феномена связан с обрядовыми церемониями пастушеских племен эпохи бронзы Евразии, где прослеживается обрядовые церемонии близкие СК. Основными ретрансляторами таких новаций служат различные степные элементы, использовавшиеся в погребально-обрядовой практике Б-

VI. Это яркое проявление ритуалов связанных с огнем, в том числе кремирование останков человека, новшества в формах металлических изделий, широкое использование камня для сооружения могильных и внемогильных конструкции, наличие курганной кольцевой схемы размещения захоронений, наличие в погребениях и алтарных ямах специфичных фрагментов степной керамики – все это указывает на влиянии носителей культур степной бронзы.

Необходимо отметить, что Б-VI, с одной стороны кардинально отличается от сапаллинских могильников, в том числе Б-VII, а с другой – генетически связан с ними. Результаты двух десятилетий археологического изучения говорят о его экстраординарных отличиях от других некрополей Шерабатского оазиса и бассейна Амударьи. Этот памятник, как полагает основной исследователь – Н. А. Аванесова надо считать одним из базовых при изучении механизма бактрийского культуругинеза.

Подытоживая весь материал и сравнивая результаты системного анализа некрополей Б-VI и Б-VII можно провести ряд параллелей схожих и различных элементов в похоронно-обрядовой обрядности обоих памятников. *К общим* отнесем время функционирования памятников. И хотя Б-VII начал использоваться несколько ранее, но основную массу составляют погребения именно молалинского и бустонского времени (73,4 %). Конструкция могильных камер четырех типов: грунтовая яма, подбойная, подбойно-катакомбная, катакомбная. Имело место возведение надмогильных сооружений в виде земляной насыпи (Б-VI – 9,5 %; Б-VII – 8,2 %). Для закладки входного проема использовался формовочный кирпич или кирпичный лом, в массу которого иногда добавлялись угольки, зола, мелкая речная галька. В обоих памятниках действовали одни и те же варианты ингумации – трупоположение, вторичные, фракционные (частичные) захоронения. Имеются случаи осквернения и ограбления могил, а также жертвоприношение. Известны комбинированные захоронения останков человека с животным.

При совершении обрядовых действий выявлены схожие черты. К ним относится использование подстилки или подсыпки, как под останками, так и по дну всего погребального пространства. Выявлено применение в погребальной прак-

тике камня, а также различного рода проявления огня, в том числе разведение кострищ и костров над могилами.

В следствии близкого по времени функционирования и генетического родства, находки орудий труда, украшения и предметы туалета в целом аналогичны. В большом количестве выявлены votивные металлические изделия (одно- и двулезвийные ножи, зеркала и пр.). Посуда представлена стандартным набором и типологией: горшки, миска, ваза, банка, кувшин, хумча. Встречаются чайники с наlepным носиком и тарелки. Часть посуды подвергалась окраске охрой с использованием в некоторых случаях практики лощения.

Отметим и *различия*, большинство которых выявлено лишь после статистической обработки обрядовых действий. В первую очередь это касается курганной кольцевой схемы размещения захоронений и присутствие в системе Б-VI сакрализованных площадок, полуназемных сооружений для трупосожжения (кремационных ящичков), каменного настила – «Дахмы» и дисковидных набросов из рванного камня, трактуемые нами как астральная символика.

Символика культа огня здесь представлена значительно большим количеством проявлений. Это касается всех сторон обрядовой деятельности: от остатков костра и кострищ, выявленных как над могилами, так и на сакрализованных площадках, прокаленных участков, до практики кремирования, в том числе применение частичного трупосожжения (термического воздействия на останки до обугливания кости и следов прокала). Отмечается возрождение забытых традиций – захоронения (младенцев) в хумах, а также сочетание в одной могиле двух вариантов погребения останков человека (ингумация/ингумация, ингумация/кремация).

К конструктивным особенностям отнесем использование в некрополе Б-VI камня и речного валуна при закладки входного проема погребальной камеры, сооружения настила, каменного ограждения по дну периметра камеры.

Также отмечалось наличие в Б-VI погребений с votивными глиняными поделками (антропоморфная и зооморфная скульптура, глиняная посуда и ложка-черпак, алтари), а также монофункциональных глиняных сосудов, культовой посуды (курильница, астадон) и наконечников стрел. Кроме того, отмечен и бо-

лее широкий спектр инвентарного комплекса (пуговицы-печати, украшений из золота, гипса, полудрагоценных камней).

Заметим также, что в погребальном обряде Б-VI охра широко применялась не только как красящее вещество для посуды, но и как заменитель огня в погребениях. Это проявляется в качестве подсыпки (разделителя между землей и скверной смерти); обсыпки части или всего усопшего; нахождение кусочков охры в культовых сосудах (астадон, курильница); наличия небольших углублений – лунок, в которых находилось по два наконечника стрел или колесо с охровым крошем.

Таким образом, оба могильника имеют общие и особенные элементы, как при сооружении погребальных камер, так и непосредственно в актах погребального ритуала.

Подводя итоги, выделим основные результаты проведенного исследования. В работе впервые обобщен весь комплекс объектов некрополей Б-VI (506) Б-VII (109), дана их полная статистическая раскладка и анализ. В итоге мы получили общую картину погребального обряда, выделили в отдельные группы такие варианты ингумации как вторичное захоронение, фракционные (частичные) погребения – в том числе кефалотафные и уникальные захоронения кистей рук в сосудах (миска, ваза), могилы с двойным вариантом погребения останков, человеческие жертвоприношения.

Выявлены сакрализованные площадки, предназначенные исключительно для опрвления культово-религиозных действий, большое количество символических могил и поминальных комплексов. Проанализировав объекты обоих могильников, мы показали, что погребальный обряд бустонского этапа резко отличается от молалинского. В первую очередь это касается огненного культа, многообразия указанных вариантов ингумации, резкое увеличение числа трупосожжения. Определили, что на заключительных этапах регламент, свойственный для других памятников СК, по которому погребение мужчин осуществлялось на правом боку, а женщин на левом (Аскарлов, 1977. С. 151), не соблюдался. Кроме того, наблюдается сильное воздействие степного (андроновского) населения, что отражается как в погребальном обряде, так и в инвентаре.

Изучение погребальных и поминальных обрядов, выявление специфики и особенностей имеет большое научное и практическое значение. Материалы данной работы могут быть использованы для дальнейших научных изысканий в дописьменной истории древней Бактрийской цивилизации, становлении государственности, культурно-экономических связей и развитии религиозных представлений. Все это даст возможность выйти на новый уровень историко-культурной реконструкции исторического прошлого народов Узбекистана.

*Схемы, гистограммы и рисунки
к тексту диссертации*

Глава I

§ 1.1. – рис. 1-6

§ 1.2. – рис. 7-9

§ 1.3. – рис. 10-11

§ 1.4. – рис. 12-16

§ 1.5. – рис. 17-18

Глава II – рис. 19-20

§ 2.1. – рис. 21-24

§ 2.2. – рис. 25

§ 2.3. – рис. 26-30

Глава III

§ 3.1. – рис. 31-32

§ 3.2. – рис. 33

Глава IV – рис. – 34-35

Сводная таблица к анализу могил не потревоженной ингумации

Глава I.

§ 1.1.

рис. 1 Соотношение конструкции камер в мужских и женских погребениях

рис. 2 Ориентировка погребенных по сторонам света

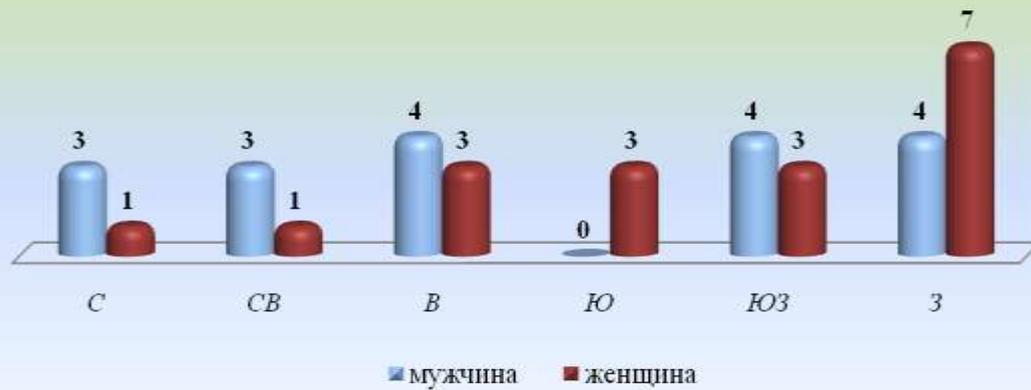

рис. 3 Сравнение ориентировки "лицом на Север" в сравнении с другими частями света.

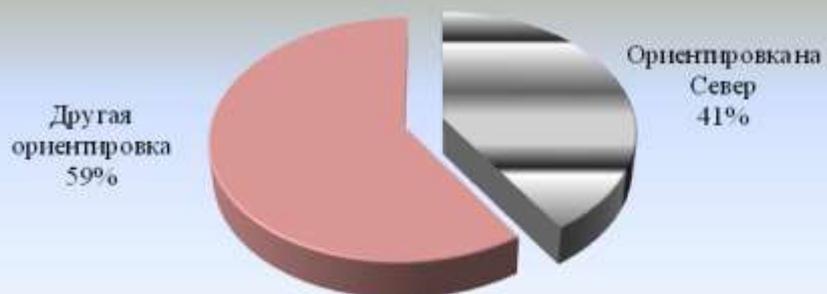

рис. 4 Количественное соотношение обнаруженных находок в мужских и женских погребениях

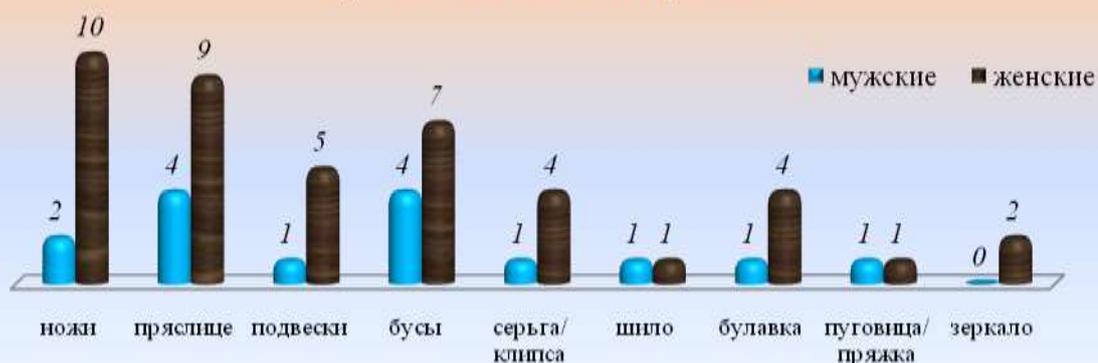

рис. 5 Соотношение мужских и женских погребений с мясной пищей

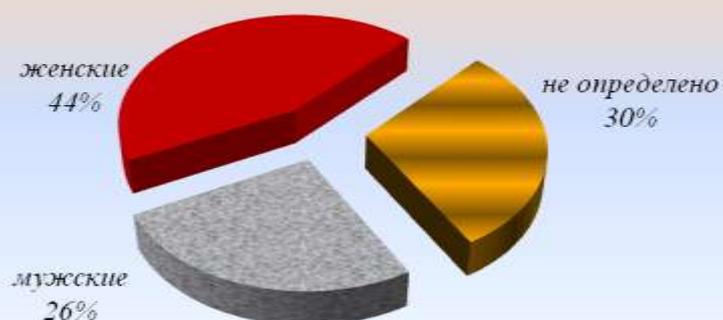
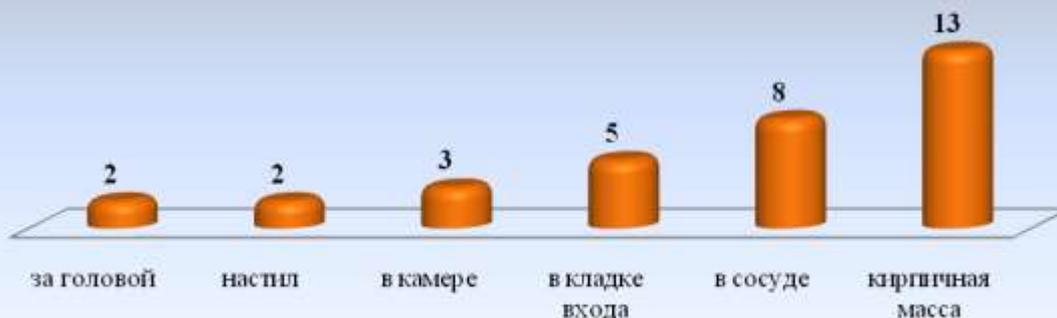
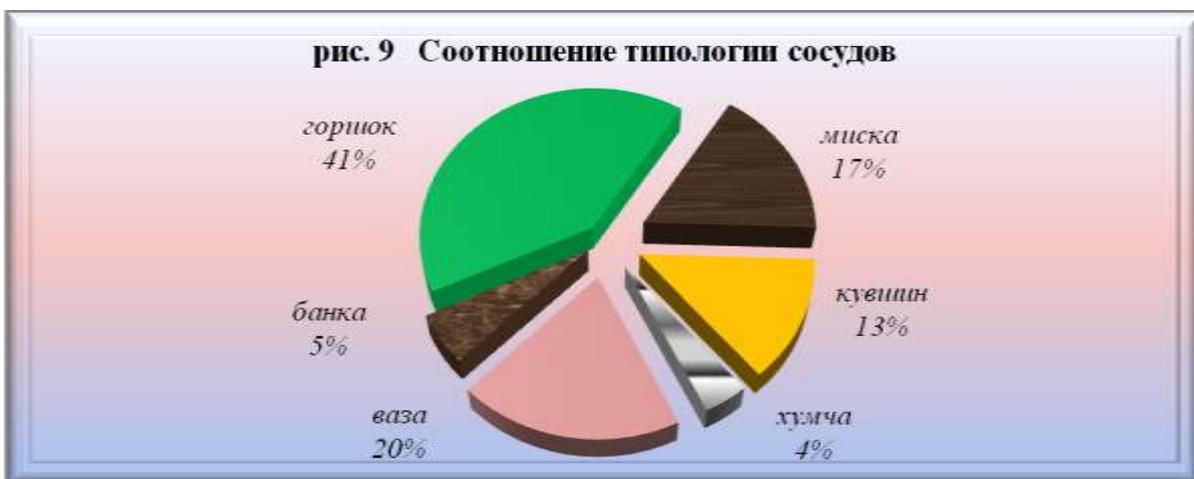
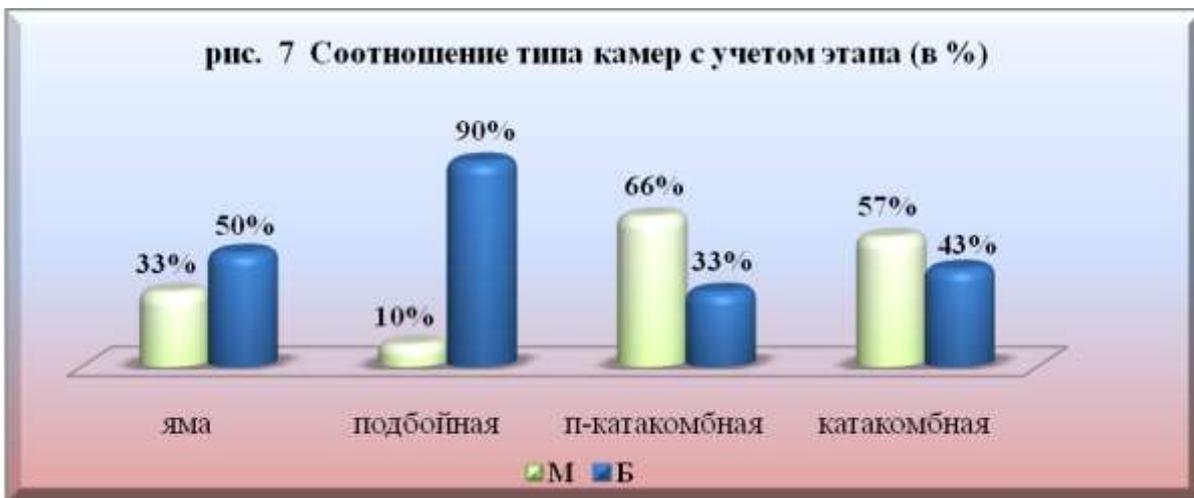

рис. 6 Использование камня в могилах полной не потревоженной ингумации

§ 1.2.

§ 1.3.

рис. 10 Соотношение оскверненных захоронений по отношению к ингумации

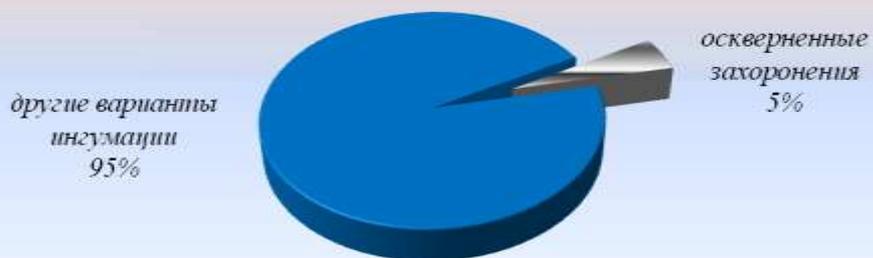
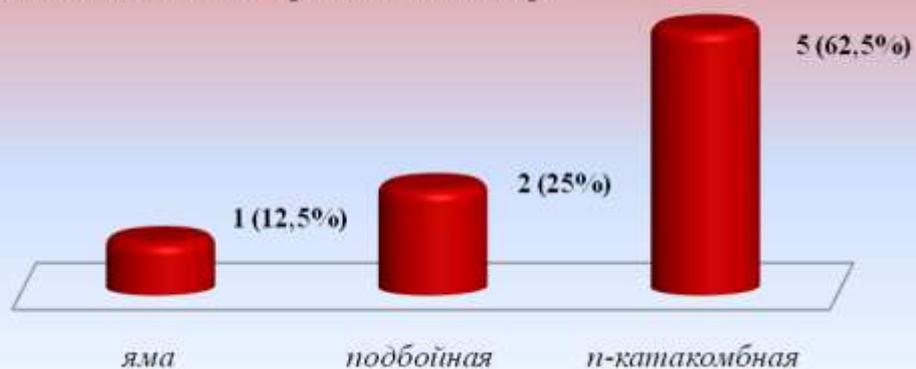

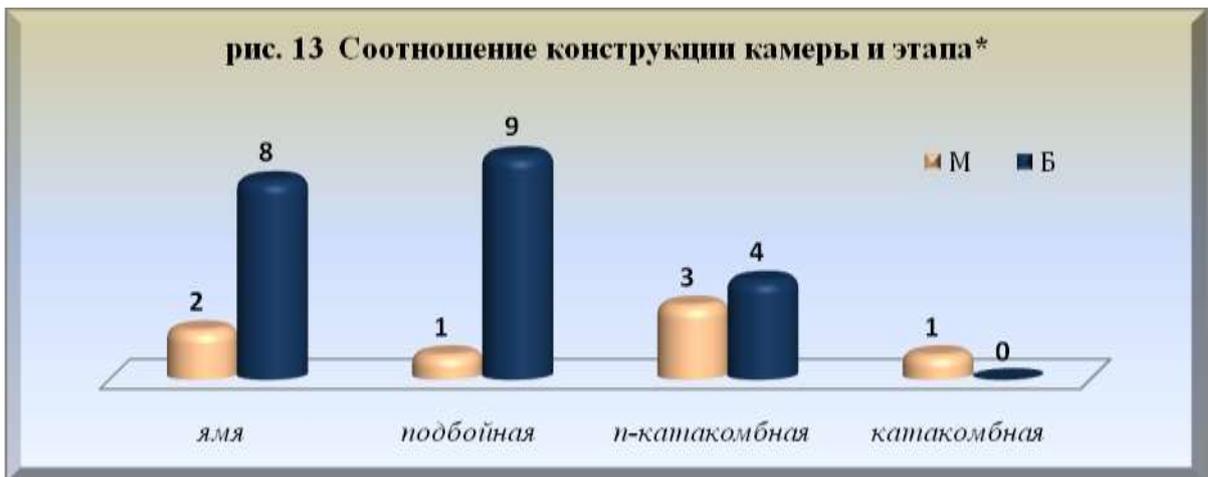
рис. 11 Соотношение типов погребальных камер

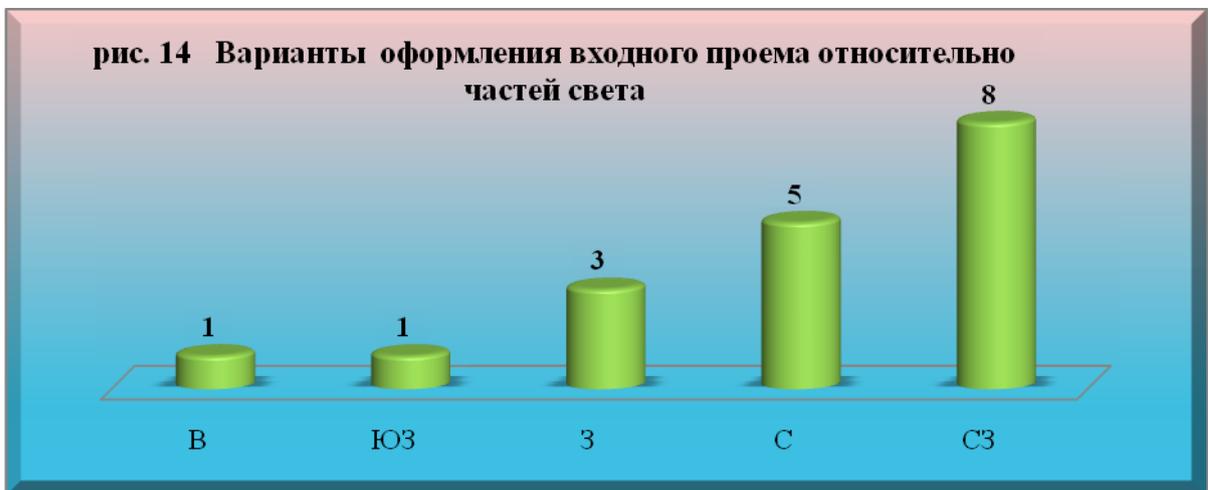
§ 1.4.

рис. 12 Соотношение вариантов обращения с телом умершего

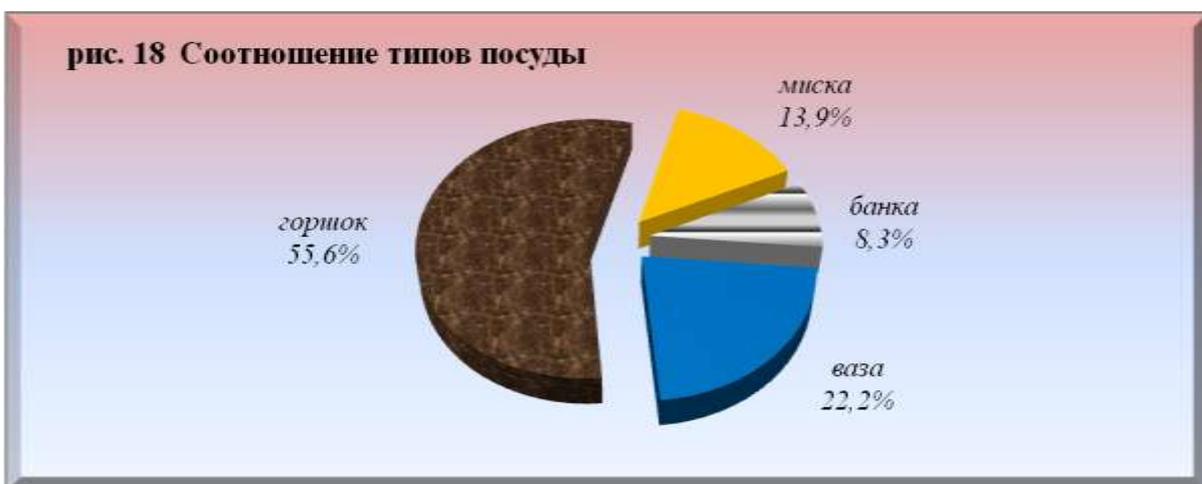
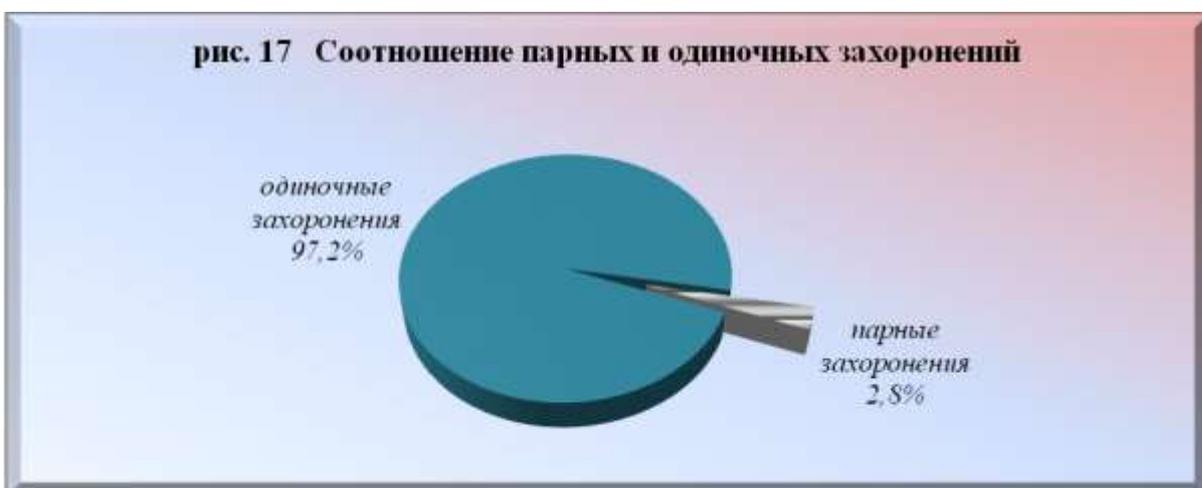

* В могилах ямного типа еще 1 могила переходного молали-бустонского времени и 1 – хронологически не определена.

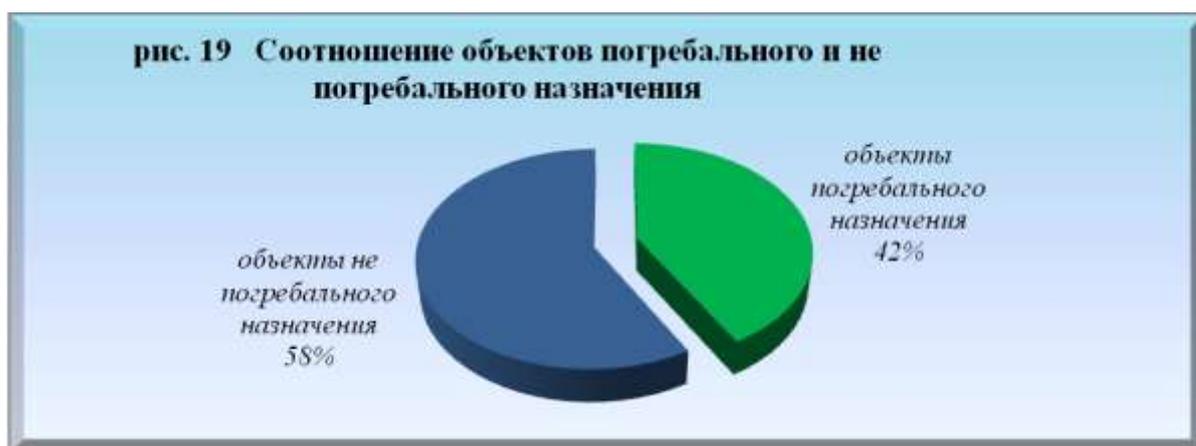

§ 1.5.

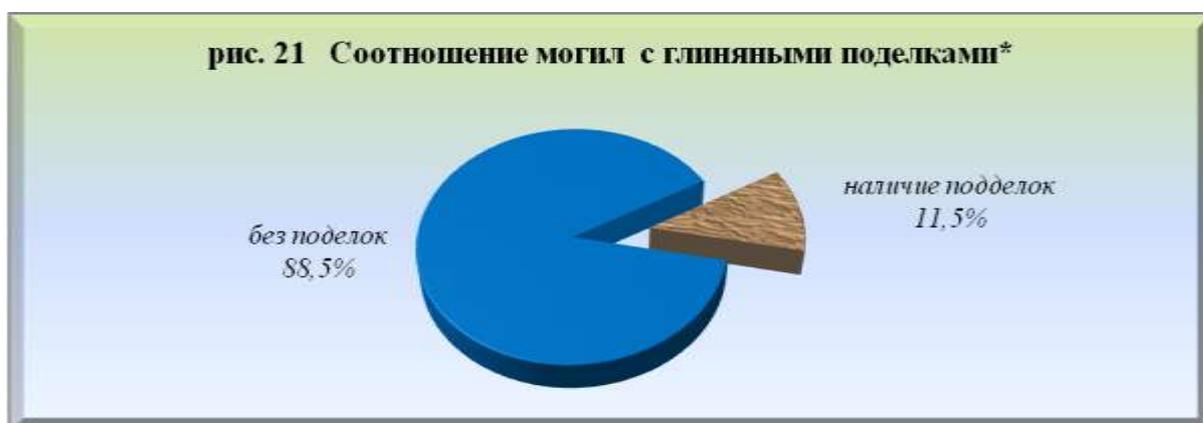

Глава II.

* В понятие другая символика входит: астральная символика (камень) - № 151, № 167А, альчики - № 47, дахма - № 235, символические с астадонами - № 26, 178, 330, 415, монофункциональными сосудами - № 147, 175, глиняными предметами - № 103, 130.

§ 2.1.

* Без учета кострищ, алтарей, кенотафов, крематориев, и астральной символика, где подобных находок не может быть по определению.

рис. 22 Количественное соотношение могил с антропоморфными статуэтками

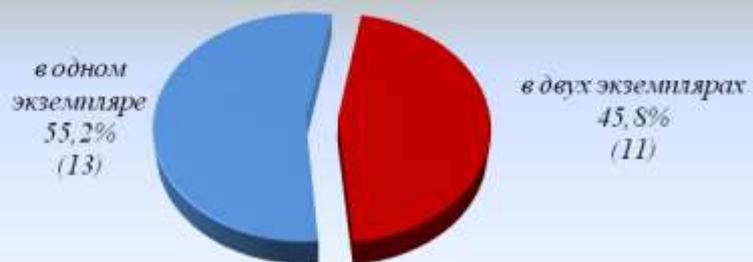

рис. 23 Мясная напутственная пища

рис. 24 Соотношение типов сосудов

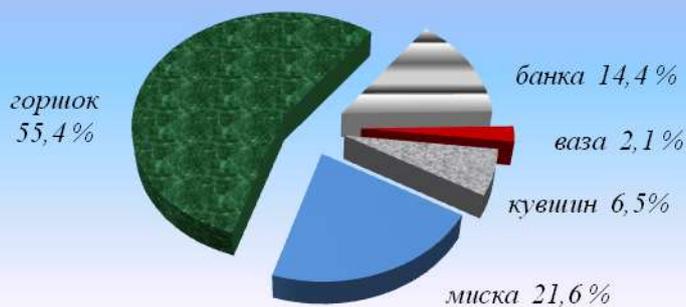

рис. 25 Соотношение типологии посуды

§ 2.3.

* С учетом 2 фрагментов (резервуар – М 179, ножка – М 281)

рис. 27 Оформление входного проема в кенатафных могилах

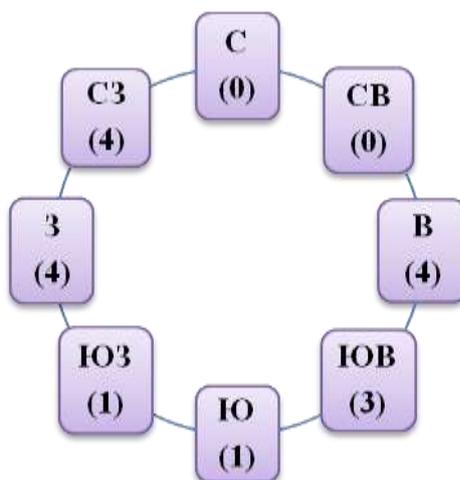

рис. 28 Хронологическое соотношение поминальников

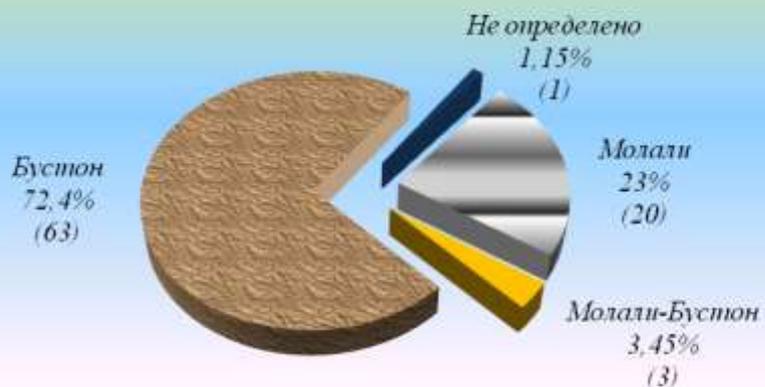
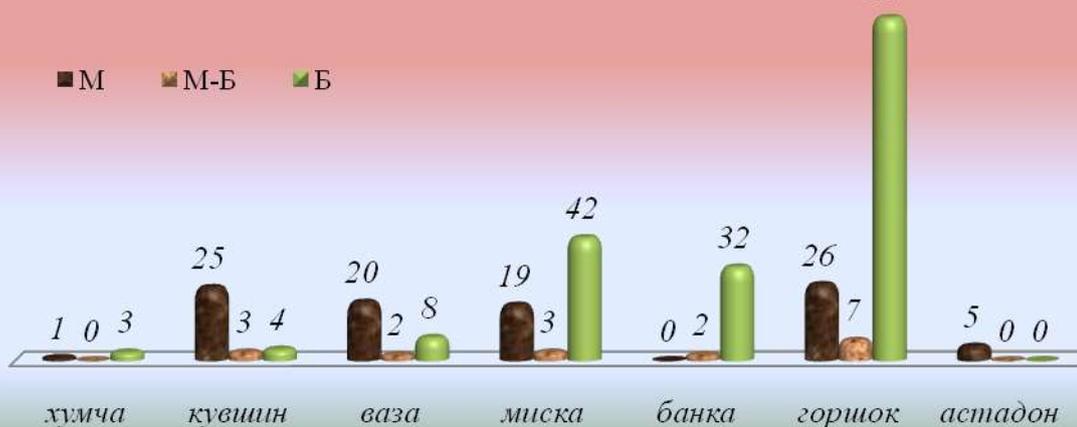

рис. 29 Остатки мясной напутственной пищи

рис. 30 Соотношение типов посуды с учетом этапа

Глава III.

§ 3.1.

рис. 31 Соотношение полной интимации

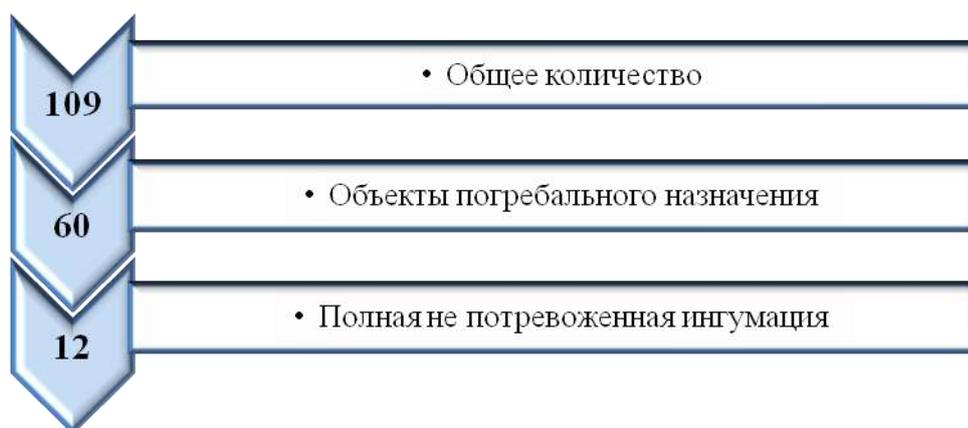

рис. 32 Ориентировка костяка и головы

§ 3.2.

рис. 33 Хронология вторичных захоронений

Глава IV

рис. 34 Объекты не погребального назначения

рис. 35 Хронология фиктивных могил

